

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРХИВОВ

Адмирал КУЗНЕЦОВ

Москва
в жизни и судьбе
флотоводца

Издательство
объединения «Мосгорархив»
Москва 2000

Глава 3

ГОДЫ ВОЙНЫ

Николай Герасимович с женой Верой Николаевной. Москва. 1941 г.

3

а восемь месяцев до немецкого вторжения правительство СССР постановлением от 19 октября 1940 г. пересмотрело план военного судостроения. Строительство крупных кораблей было свернуто. Продолжали строиться подводные лодки и малые надводные корабли – эсминцы и тральщики. Тем не менее объем продукции военного судостроения продолжал нарастать. Общий тоннаж боевых кораблей ВМФ с начала 1939 по 1941 г. вырос почти на 160 тыс. т¹. "Военно-морской флот к 1941 г. был в общем новым – почти весь он строился после революции"².

В книге "Накануне" Н.Г. Кузнецов привел следующие данные о морских силах СССР к началу войны: около 600 боевых кораблей, в том числе 3 линкора, 7 крейсеров, 59 эсминцев, 218 подводных лодок. Авиация насчитывала 2581 самолет³. На флотах были созданы маневренные соединения – эскадры и отряды из кораблей различных классов – не по классам кораблей, а в зависимости от предстоящих оперативных и тактических задач. Флот был силен артиллерией. Хуже обстояло дело с противовоздушной обороной. Не хватало радиолокационных средств для кораблей и ВМБ. Были торпеды, но минного оружия и тралов морякам не доставало. "В общем, хотя мы и не успели создать крупный флот, оснастить наши морские силы всеми новейшими средствами борьбы, все же это был флот боеспособный"⁴.

Войну нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов встретил в Москве. Вечером 21 июня он находился в своем служебном кабинете. Около 23 часов он был проинформирован наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко о возможном в эту ночь нападении Германии. Немедленно Н.Г. Кузнецов приказал передать флотам и флотилиям свой приказ о полной фактической готовности⁵. Сразу же на флоты и флотилии был передан экстренный приказ о боевой готовности номер один с разрешением в случае нападения применять оружие. "Он совсем короток – сигнал, по которому на местах знают, что делать. Все же для прохождения телеграммы нужно какое-то время, а оно дорого"⁶. Истекали последние полчаса суток 21 июня. Для верности Н.Г. Кузнецов лично обзвонил командующих флотами. "После разговора с флотами сложилась уверенность, что машина завертелась"⁷.

Благодаря созданной и отработанной на флоте накануне войны под руководством Кузнецова системе оперативных готовностей флот не позволил застать себя врасплох и встретил удары авиации противника организованным огнем. На флотах в эту ночь не был потерян ни один корабль, ни один самолет морской авиации, не была взята врагом с моря ни одна база⁸.

В первые дни вражеского вторжения наркому Н.Г. Кузнецову пришлось действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Ведь в стране перед войной так и не было создано системы руководства и управления Вооруженными Силами, в которой два наркомата (обороны и ВМФ) нашли бы свое определенное место и опирались бы в своей работе на четкую организацию, а не на указания И.В. Сталина. В НКО и НКВМФ не имелось единого взгляда на доктрину ведения войны. Настойчивые попытки Н.Г. Кузнецова добиться решения этой проблемы до войны окончились неудачей⁹. При этом "действия флотов с первых же дней войны сочетались с общей стратегией Вооруженных Сил. Иначе не могло и быть. Это было зафиксировано в наших оперативных-тактических документах и проверялось на всех больших и малых учениях"¹⁰. Но "в самые решительные дни начала войны, – вспоминал Николай Герасимович, – нельзя было даже говорить о правильных или неправильных указаниях флоту, о правильных или неправильных взглядах на его использование. Взглядов никаких не было, они не высказывались никем, как не выслушивались и мои предложения"¹¹.

Получив донесения с флотов, что атаки противника отражены, нарком ВМФ приступил к реализации довоенных планов использования сил флота в войне. 22–25 июня 1941 г. авиация и корабли ЧФ нанесли удары по Констанце, авиация КБФ – по порту Мемель¹². Понимая, насколько важное значение имеет для Германии румынская нефть, 30 июня адмирал Н.Г. Кузнецов приказал уничтожить силами авиации ЧФ объекты нефтепромышленности в Плоешти¹³. В конце июля совместно с ГМШ Н.Г. Кузнецов разрабатывает зародившийся у него и В.А. Алафузова план нанесения авиацией КБФ бомбовых ударов по столице Германии Берлину. После утверждения плана в Ставке Кузнецов лично организовывал и контролировал его выполнение. Лично и отвечал перед Ставкой за успех или неудачу предложенной операции¹⁴.

Однако вскоре в связи со сложившейся на советско-германском фронте обстановкой флоту на время пришлось отказаться от активных самостоятельных действий. Стремительное продвижение немецких войск в глубь страны привело к потере громадной территории, а вместе с ней и передовых (Либава, Одесса), а затем и основных (Таллин, Севастополь) баз ВМФ. Флот стал выполнять необходимую подчиненную сухопутным войскам работу: корабли, авиация, береговая оборона и части морской пехоты, тесно взаимодействуя с сухопутными войсками, оказывали фронтам посильную помощь на приморских направлениях. Действия морской авиации перенацелили против танковых группировок противника и вражеских самолетов, надводные корабли были привлечены огнем поддерживать приморские фланги группировок Красной Армии. Флот перевозил миллионы людей, миллионы тонн различных грузов. В октябре 1941 г. на флотах и флотилиях было сформировано 25 морских стрелковых бригад, участвовавших в битве за Москву и затем во всех боях и наступлениях наших войск вплоть до самого Берлина¹⁵.

Действующие флоты в оперативном отношении в начале войны были подчинены фронтам¹⁶. Руководство наркома ВМФ флотами оказалось сложным, т.к. задачи перед ними ставило фронтовое командование и реже – Ставка. Но чисто морские задачи, помимо решаемых флотами на суше, тоже имелись. Армейское командование не всегда это понимало. Наркому ВМФ приходилось обращаться за помощью в Генеральный штаб¹⁷. Главная задача ВМФ в этот период заключалась в обеспечении взаимодействия армии и флота на приморских направлениях. Не входя в это время в состав Ставки ВГК¹⁸ и формально не имея права

без ее одобрения принимать решения оперативного характера¹⁹, адмирал Н.Г. Кузнецов как представитель Ставки выезжал на флоты, чтобы лично руководить наиболее ответственными операциями. Главная проблема при этом – отсутствие на местах правильного общего управления приморскими частями армии и силами флота – ощущалась наиболее остро. Их взаимодействие приходилось отрабатывать буквально в ходе боев. В начале августа 1941 г. Н.Г. Кузнецову пришлось вплотную заняться организацией обороны Одессы. Ставка, точнее – И.В. Сталин, никак не соглашалась с его настойчивым предложением подчинить все, в том числе и армейские, силы флотскому командиру. Но нарком добился назначения командующим оборонительным районом контр-адмирала Г.В. Жукова²⁰. Успешная – 73 дня! – оборона Одессы подтвердила целесообразность такой формы организации. Применение аналогичной системы командования частями армии и флота позволило 164 дня защищать Ханко, 8 месяцев – Севастополь, успешно организовать оборону других военно-морских баз²¹.

При двойном подчинении флотов проблемы в координации их действий с армией оставались и в дальнейшем. Однако, за редким исключением (и не по вине наркома ВМФ, а в связи с изменением плана операции, когда Н.Г. Кузнецов уже отбыл с фронта в Москву и не знал о таком решении. – *Р.К.*)²², они решались успешно. Так, планируя в конце 1941 г. десанты в Крым²³, Ставка ВГК известила об этом наркома ВМФ, когда замысел операции был уже определен и времени на подготовку оставалось чрезвычайно мало. "...Но в той обстановке, – вспоминал Н.Г. Кузнецов, – руководствоваться академическими нормами времени было не всегда возможно. Сотрудники ГМШ немедленно приступили к расчетам... 7 декабря Ставка утвердила разработанный в штабах фронта и флота план, внося в него существенную поправку, предложенную командованием ЧФ... Несмотря на сжатые сроки подготовки и недостаточное прикрытие с воздуха, [Керченско-Феодосийская] операция была проведена успешно... Это была самая крупная десантная операция наших войск в Великую Отечественную войну, хорошо разработанная, несмотря на крайне сжатые сроки ее подготовки²⁴.

Действия советского ВМФ в этот период получили высокую оценку союзников. "В ходе нынешней войны, – писал в 1942 г. английский историк Б. Тонстолл, – морская стратегия России планировалась и осуществлялась весьма трезво; кроме того, она в гораздо большей степени содействовала успехам Красной Армии, чем это хорошо известно. На Черном море эта стратегия помешала вторжению на Кавказ с моря; в то же время русский флот беспokoил неприятельские морские коммуникации у берегов Болгарии и Румынии"²⁵.

В ходе войны советское военно-морское стратегическое планирование и оперативно-тактическое искусство постоянно совершенствовались. Так, план десанта в Новороссийский порт в сентябре 1943 г., по словам Н.Г. Кузнецова, "был рассчитан по минутам и секундам, всесторонне обдумывалась каждая деталь. Всей операцией руководил командующий Северо-Кавказским фронтом генерал И.Е. Петров²⁶, который имел двух помощников: по сухопутной части – командующего 18-й армией генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе, а по морской – командующего Черноморским флотом вице-адмирала Л.А. Владимирского. За разработкой флотской части внимательно следил Главный морской штаб... 16 сентября Новороссийск был полностью освобожден... В боях за Новороссийск участвовали разнообразные силы и средства армии и флота, причем действовали

они согласованно и одновременно"²⁷. В честь освобождения Новороссийска, имевшего "очень важное значение как в битве за Кавказ, так и в событиях на всем южном фланге советско-германского фронта"²⁸, в Москве был произведен салют. Николай Герасимович наблюдал его из Кремля²⁹.

Достигнутые успехи в значительной мере являлись следствием огромного внимания Кузнецова к изучению и усвоению на флотах боевого опыта. Уже 9 августа 1941 г. нарком ВМФ в своем приказе требует "совершенствовать боевую подготовку в условиях военного времени"³⁰. В январе 1943 г. в составе ГМШ создается отдел по изучению и обобщению опыта войны. За 1943–1945 гг. было издано около ста документов по вопросам оперативно-тактического искусства³¹. Фактически наркомом ВМФ была создана система учета боевого опыта и на его основе боевой подготовки сил флота.

Н.Г. Кузнецов никогда не пытался приуменьшить или тем более скрыть ту или иную неудачу. Допущенные ошибки признавались, и из них тут же извлекались уроки. Причем часто он брал ответственность и за то, в чем не было его личной вины. "Это случилось на флоте. А на флоте за все в ответе нарком" – так можно сформулировать кредо Кузнецова. Например, в начале октября 1943 г. Черноморский флот, находившийся в непосредственном подчинении не Кузнецова, а командования Северо-Кавказского фронта, потерял три эсминца. Однако нарком ВМФ принял удар на себя. "На войне потери неизбежны, – вспоминал Н.Г. Кузнецов. – Но случай с тремя эсминцами ничем нельзя оправдать. Вернувшись в Москву, я со всей откровенностью, признавая и свою вину, доложил обо всем И.В. Сталину. В ответ услышал горький упрек. Он был справедлив... Урок был тяжелый – на всю жизнь"³².

К первостепенным задачам наркома ВМФ в годы войны относилась организация проводки союзных конвоев, осуществлявших поставки по ленд-лизу в северные порты СССР. Еще 12 июля 1941 г. в Москве было заключено соглашение между СССР и Великобританией, которым предусматривались взаимная помощь и обязательства не заключать сепаратного мира. Его подписали с советской стороны Сталин, Шапошников и Кузнецов³³. В сентябре–октябре на Московской конференции представителей СССР, Англии и США Н.Г. Кузнецов участвовал в решении важных вопросов объединения усилий трех великих держав против гитлеровской Германии и организации помощи СССР снабжением. После возвращения в октябре 1941 г. в Москву из Куйбышева адмирала Н.Г. Кузнецова вызвал И.В. Сталин. "Это посещение кабинета Сталина особенно сохранилось в памяти, – вспоминал Николай Герасимович. – Тревожные дни, которые переживала столица, наложили свой отпечаток и на обстановку в Кремле, но в облике самого И.В. Сталина ничто не изменилось..." "Вам нужно спешно отправляться на Северный флот", – начал Сталин и пояснил, что он не уверен, все ли там подготовлено для встречи конвоев союзников"³⁴. Кузнецов лично осуществлял координацию действий Северного флота, авиации ПВО страны и резерва Ставки по защите конвоев (от первого и до последнего) от ударов противника³⁵.

Обстановка на фронтах менялась. Менялись и задачи флота. "Весна 1944 г. ознаменовалась возросшими темпами наступления на всех фронтах. Это, конечно, сказалось и на активизации деятельности флотов, взаимодействующих с фронтами. Изменился характер морских операций: их целью стало участие в освобождении побережья и приморских городов..."³⁶ В новых условиях менялась и организация управления. Нарком ВМФ вместе с ГМШ пытался опреде-

лить свои функции в руководстве флотами еще с первых дней войны, когда они оперативно подчинялись фронтам. Тогда это было сделать трудно, и "настаивать перед Ставкой на изменении в тех условиях мне казалось несвоевременным. В 1944 г. положение изменилось. Ставка и Генеральный штаб смогли уделять больше внимания морским театрам. Тогда в одном из разговоров с И.В. Сталиным я поднял вопрос, не пора ли официально узаконить роль наркома ВМФ как главнокомандующего флотами, чтобы он нес всю ответственность за их действия"³⁷. 31 марта 1944 г. была издана директива Ставки о назначении наркома ВМФ адмирала³⁸ Н.Г. Кузнецова Главнокомандующим ВМС с прямым подчинением ему флотов и флотилий³⁹.

Значительно возросла роль командования ВМФ в стратегическом планировании. "11 апреля Ставка утвердила директиву, в которой ставилась задача освобождения Крыма... В основу этой директивы легли предложения, разработанные Главным морским штабом"⁴⁰. Сражение за Крым началось утром 8 апреля, а закончилось 12 мая 1944 г., когда капитулировали остатки немецких частей на Херсонесском мысу⁴¹. 5 ноября 1944 г. после разминирования гаваней и фарватеров советская эскадра вернулась в главную военно-морскую базу Черноморского флота, город русской славы Севастополь⁴². В 1944–1945 гг. нарком ВМФ и ГМШ непосредственно разрабатывали крупные флотские операции, согласовывали их с Генеральным штабом или командующими фронтами и полностью отвечали за их проведение.

2 февраля 1945 г. было принято постановление ГКО об изменении Ставки ВГК. В нее дополнительно вошли А.И. Антонов, А.М. Василевский и Н.Г. Кузнецов⁴³. "Кто бы мог подумать, – писал Николай Герасимович, – что раньше не был членом Ставки маршал А.М. Василевский, который в течение двух с половиной лет являлся начальником Генерального штаба и чья подпись стояла на документах рядом с подписью Сталина? Не был членом Ставки, оказывается, и генерал А.И. Антонов, назначенный на должность начальника Генштаба... Официальное включение меня в состав Ставки мало что изменило в моей работе. Как нарком я и до этого бывал на совещаниях Ставки и Государственного Комитета Оборона, куда меня вызывали по флотским вопросам. Нередко я обращался в Ставку сам, когда добивался нужного флотам решения правительства или Верховного Главнокомандования. Иногда я звонил И.В. Сталину, если обстановка требовала немедленного доклада, и, несмотря на занятость, Верховный всегда находил время выслушать меня и дать исчерпывающий ответ"⁴⁴.

Наступила долгожданная Победа. Главком ВМС, адмирал флота Н.Г. Кузнецов встретил ее в Москве. "Вечером 8 мая мне довелось выезжать из Кремля через Спасские ворота, – вспоминал он. – Переполненная народом Красная площадь ликовала. Все ожидали очередного салюта. Чувство безграничной радости охватило всех без исключения... Слово "победа" было у всех на устах. Оно произносилось с чувством радости и гордости за нашу Родину, и этого значения оно никогда не теряло и не утратит"⁴⁵.

В период Великой Отечественной войны советский флот смог не только отразить внезапное нападение врага, но и перейти к решительным действиям на всех военно-морских театрах. Содействуя Красной Армии, моряки воевали, оставаясь на кораблях; на кораблях же оставаясь, боролись с вражеским флотом на коммуникациях⁴⁶, совершали набеговые операции. Но и на сухопутные фронты с флота было направлено около 500 тыс. морских пехотинцев, высажено 113

морских десантов численностью около 330 тыс. человек. В десантных операциях участвовало до 2000 боевых кораблей и несколько тысяч вспомогательных судов. По морским коммуникациям было переправлено более 100 млн т грузов, около 10 млн человек. Силами флота было уничтожено свыше 1285 боевых кораблей и вспомогательных судов, около 1300 транспортов противника водоизмещением свыше 3 млн т. Авиация флота уничтожила до 5000 вражеских самолетов. Все наши флоты и почти все флотилии стали Краснознаменными⁴⁷.

Особая страница деятельности Н.Г. Кузнецова в годы войны – его участие в переговорах с военно-морскими миссиями союзников в 1941–1945 гг., а также в качестве члена советской делегации – в конференциях глав государств в Ялте и Потсдаме. В Крыму, где в общих чертах обсуждались послевоенные проблемы, ему пришлось решать вопросы, связанные с совместными действиями союзников в Европе и на Дальнем Востоке, военно-морскими поставками по ленд-лизу, выполнять ответственные задания Ставки по организации и обеспечению приема и безопасности кораблей и самолетов союзных делегаций. Участвуя в работе Потсдамской конференции, на которой решались такие политические вопросы, как управление послевоенной Германией, установление новых границ, определение размеров репараций, Н.Г. Кузнецов проявил незаурядное дипломатическое мастерство в решении одного из самых болезненных вопросов – раздела германского флота. Благодаря его умению, отмеченному союзниками, удалось договориться о справедливом разделе трофеев. В итоге Советский Союз получил 150 боевых и более 420 вспомогательных кораблей⁴⁸.

После Потсдамской конференции война для Главкома ВМС, адмирала флота Н.Г. Кузнецова не закончилась. Он отправился на Дальний Восток, чтобы организовать взаимодействие сил Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с частями Красной Армии в войне с Японией. В период Великой Отечественной войны Н.Г. Кузнецов проявил себя выдающимся организатором взаимодействия флота с сухопутными войсками. За вклад Николая Герасимовича в победу и проявленные в годы войны мужество и героизм 14 сентября 1945 г. он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Тяжелейшие испытания войны не ожесточили душу Н.Г. Кузнецова. Свидетельство тому – воспоминания людей, шедших с ним по жизни в те суровые годы. Все они отмечали его необычайно теплое и человеческое отношение к людям, искреннюю заботу и внимание к ним.

* * *

№ 1. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. НАЧАЛО ВОЙНЫ НЕ БЫЛО "ГРОМОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА"

[1964 г.]

Иногда мне доводилось получать приказы в категорической форме, с которыми я, как специалист, не был согласен, но возражать было невозможно. Как правило, такое решение зрело в кабинете Сталина без меня и получало поддержку его окружения. Когда меня вызывали, то противиться, как правило, было невозможно. Иначе все хром ополчались на меня, и я уходил, провожаемый недовольными взглядами.

Так, 7 июня 1941 г. Сталин сказал: "Нужно выставить сети в Керченском проливе". Я удивленно посмотрел на него. "Туда могут пройти подводные лодки", – обосновал он свое приказание.

Я не считал необходимым выставлять сети в проливе, ибо не видел, какие лодки и каким объектам угрожают в Азовском море. Но мое приказание от того же 7 июня гласило: "Выставить сети в Керченском проливе, не допустить прохода подлодок в Азовское море". Черноморский флот через несколько дней выставил сети.

В тот же день шли разговоры о прикрытии нашего побережья на Черном море вообще. Создавалось впечатление, что Сталин считается с возможностью нападения на нас (или крупной провокации) в любой момент. По разложенной мною морской карте мы "прошлись" от Одессы до Батуми. Сталин нашел, что опасным местом является Батуми. На мое разъяснение, что там довольно сильная береговая оборона, он реагировал положительно, но все же предложил "посмотреть, не нужно ли послать туда корабли". В результате командование Черноморского флота получило приказ: "Иметь постоянно в Батуми – Потти 2 эсминца".

В последние предвоенные недели я наблюдал, как занимается правительство вопросами безопасности. Это подталкивало меня на принятие мер предосторожности по своей линии и по линии местного командования. Это оказало влияние и на перевод флотов на повышенную готовность 19 июня 1941 г.

И сейчас остается далеко не понятным, почему шли противоречивые директивы сверху. "Выставить сети в Керченском проливе" – мероприятие мобилизационного порядка, говорящее о возможности скорой войны. Постановка сетей – дело одного-двух дней, и к тому же дело несложное. И в то же время я не присутствовал ни на одном совещании, где бы рассматривался вопрос готовности Вооруженных Сил и флотов в целом к войне. Мне были известны многочисленные мероприятия распространительного порядка по Советской Армии, но до Наркомата ВМФ не доходили указания о повышении готовности или поступках на случай войны.

Думается, Сталин колебался: ему хотелось всячески оттянуть войну, а с другой стороны, видимо, было желание призвать к бдительности и повышению готовности. Так, его речь на приеме выпускников академий 5 мая 1941 г. не оставляла сомнений в этом. В его открытом выступлении говорились вещи явно секретные, и не случайно о сказанном тогда помнят все присутствовавшие. Вспоминаю, кто-то сказал мне тогда: "Это для устрашения Гитлера". Возможно! Возможно и то, что, высказавшись за вероятность войны, Сталин думал, что все высокие начальники, от которых это зависело, примут надлежащие меры.

Мне представляется совершенно необоснованным утверждение, что И.В. Сталин переоценил силу договора с Германией⁴⁹. Этому трудно поверить, исходя из того, что Сталин считал фашизм и Гитлера своими самыми непримиримыми врагами. В этом он, конечно, был убежден и после войны в Испании. Как опытный политик и лично хитрый человек, он не мог чрезмерно доверять вообще какому-либо договору, а тем более договору с Гитлером.

Это подтверждается и высказываниями Сталина как в момент подписания договора, так и позднее. После приема Риббентропа в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, оставшись в своей среде, Сталин (по словам очевидцев, и в частности В.П. Пронина⁵⁰, сидевшего на приеме между Сталиным и Риббентропом) прямо заявил, что, "кажется, удалось нам провести немцев". Похоже на то, что он сам собирался обмануть, а не быть обманутым.

Из последующих косвенных разговоров со Ждановым я мог вынести заключение, что договор еще будет действовать долго, но не потому, что в него кто-то чрезмерно верит, а потому, что "война на Западе затягивается" и наши противники (Германия и Англия) будут длительное время связаны борьбой, а нам предоставля-

ется возможность заниматься своим мирным трудом и готовиться к войне. Против кого? Ввиду того что Сталин, как мне кажется, верил больше в победу Гитлера (к чему были все основания по ходу войны в те годы), то, стало быть, и воевать он собирался с фашистской Германией. Да и территориально это было наиболее вероятно.

Этим неверным предположением, что "война на Западе затянется", и объясняется непринятие конкретных мер по повышению готовности Вооруженных Сил в 1939–1940 гг. Дескать, главное, вроде наращивания дивизий и оружия, делается, границы на западе и юге отодвигаются и идет создание новой оборонительной линии. Остается в случае необходимости привести армию в полную готовность. Вот в этом и заключалась первая крупная ошибка. Армию привести в готовность следовало раньше. Она должна была учиться по планам войны. Этим нужно было заниматься ежедневно, хотя бы и не ожидалось скорой войны. И.В. Сталин не понимал значения кропотливой и длительной работы с разработкой и введением в жизнь оперпланов. Не придавали этому большого значения и военные руководители. А им это следовало понимать больше, чем штатскому Сталину.

Потом, с начала 1941 г., события стали разворачиваться ускоренными темпами, и тогда Сталин допустил вторую ошибку. Вместо того чтобы объективно оценить обстановку, признать свое прежнее ошибочное представление о начале возможного конфликта, он с удивительным упрямством, характерным для него, продолжал верить в невозможности нападения. И совсем не потому, что верил в договор, а исходя (иногда слепо) из своих однажды принятых решений и сделанных выводов, он отрицал возможность скорой войны. На это толкало его и окружение. А к этому еще добавилось опасение вызвать конфликт раньше времени. С таким мнением Сталина и застала война, хотя накануне он и отдал приказание о повышении готовности.

Отдавая приказание Тимошенко, Жукову, Тюленеву, Щербакову⁵¹, Пронину, он внутренне еще больше верил себе. Поэтому приказания носили нерешительный характер. Отдавая распоряжения, Сталин как бы говорил: "Ну, уж коль скоро все говорят о возможном нападении, то примите на всякий случай необходимые меры, а я пойду отдыхать".

К сожалению, непринятие предохранительных мер со стороны военного руководства наложило на ошибку Сталина и усугубило ее. Военное руководство не принимало решительных мер до самого начала войны. Приходится только гадать, что думал Сталин о готовности Вооруженных Сил в канун войны? Полагал ли он, что войска встретят во всеоружии нападение, сказать трудно. Его вина бесспорна в том, что он не проверял это.

Зная, что Сталин накануне вызывал работников Москвы (Щербакова, Пронина и других) и требовал от них быть в эту ночь начеку и не отпускать секретарей райкомов или что он днем 21 июня лично звонил И.В. Тюленеву, напрашивается вывод, что он беспокоился за оборону. Не полагался ли он после вызова Тимошенко и Жукова (около 17 часов) целиком на их расторопность и повышенную готовность? Об этом могли бы сказать они сами.

И сейчас задаешься вопросом, когда осознал Сталин свою ошибочную позицию по отношению к договору с Германией? Конечно, когда наступление стало фактом, его отрицать было невозможно. Но неверие или, может быть, правильное в данном случае сказать, сомнение, что немцы напали на Советский Союз, существовало даже после первых известий о войне. Что переживал в этот момент лично Сталин, когда ему доложили о начале войны, мне неизвестно, но говоривший со мной по телефону Г.М. Маленков⁵², которому я доложил о налете на Севастополь в 3 часа 20 минут, явно не хотел верить. Доказательством этому служит его перепроверка моих сведений у командования Черноморского флота.

Это дает основание сделать вывод, что день-два тому назад или даже накануне, когда давались указания Наркомату обороны о возможном нападении, твердого убеждения в готовившемся нападении не было. Это и привело к тому, что указания, данные вечером 21 июня, не были категоричными и требующими принятия самых срочных и решительных мер по повышению готовности. Дав указания, правительство не включилось в приведение в готовность Вооруженных Сил в целом (почему я как нарком ВМФ оставался еще в неведении) и не приняло мер о срочной информации заинтересованных наркомов, связанных с военными делами. А как много можно было бы сделать даже в эти последние предвоенные часы, если бы хоть в субботу все было поставлено на ноги! Упущенное время, конечно, целиком наверстать уже было невозможно, но лишить противника тактической и оперативной внезапности времени еще хватало. Вызванные по ВЧ командующие пограничными округами могли еще за остававшиеся 10–12 часов привести в полную готовность не только такие части, как авиация, находящаяся на аэродромах, или зенитные средства ПВО, но и в движение все остальные части. Медленная передача указаний не поспела к началу войны только потому, что этого не требовало правительство или, точнее говоря, Сталин, все еще сомневавшийся, будет нападение или не будет...

Официально Сталин в течение всей войны, и особенно пока не определился успех в ней, наши неудачи в начальный период объяснял "внезапным и вероломным" нападением Гитлера. Мне лично не раз доводилось слышать, как на приемах иностранцев еще в 1942–1943 гг. он подчеркивал, какие преимущества приобрел агрессор, напавший на нас, и легко было заметить, как этим он хотел объяснить и наше вынужденное отступление.

Ценою огромных жертв в 1941–1942 гг. налаживалось управление войсками. Сталин начинал больше прислушиваться к мнению военачальников. Однако жертвы были настолько велики, что скрывать недостатки первого этапа войны было невозможно. Поэтому, когда кроме неудач налицо были уже и успехи, Сталин говорил: "У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг."

Да, действительно, позади оставались "моменты отчаянного положения", и только "русский характер" народа и вера в правоту своего дела позволили пережить эти моменты...

Я не хочу умалять вины Сталина в неудачном начале войны. Но наиболее опасным я считаю стремление всю вину свалить на Сталина, и совсем не потому, что боюсь приписать ему что-либо лишнее. Опасность кроется в том, что, обвиняя одного Сталина, мы можем не обнаружить многих других ошибок и не принять меры к их недопущению в будущем.

Сейчас разбирая первые дни и часы войны, мы видим кроме ошибок, прежде всего политического порядка, также крупные ошибки со стороны нас, военных. Иногда приходится слышать или даже читать, что в предвоенный период и в самые последние мирные дни делалось все, что требовалось, и будто давались и предупреждения, однако не хватило времени все развернуть по плану к роковому 22 июня 1941 г.

Звучит это неубедительно и совсем не объясняет, почему же округа до момента нападения не получили решительного приказа об отражении возможного нападения фашистской Германии. Конечно, перед войной производились перевозки войск для сосредоточения их на границах и призывы резервов, но коль скоро признается, что это опоздало к началу войны, то в этом нельзя винить Гитлера и его ставку, а следует признаться в своей недоработке и просчетах.

Но ведь кроме войск, которые спешно подтягивались к границам, у нас было сосредоточено немало войск и авиации в пограничных округах. Эта сила не была

способна проводить наступательные операции, но она была в состоянии отражать нападение врага с 2- или 3-кратным превосходством в воздухе и на земле. Войска, уже находившиеся на передовой линии, были по своей численности в состоянии задерживать противника и медленно отступать, нанося ему большие потери, как это обычно бывает при организованном отступлении. Вот два известных мне примера. На северо-западе наши части могли организованно отступить на рубеж Даугавы и там продержаться врага до подхода более крупных сил. На юге мы могли, не позволяя противнику продвигаться до Перекопа или Азовского моря, сдерживать его натиск имеющимися силами.

Что же для этого требовалось?

Прежде всего держать в полной готовности войска и авиацию, уже сосредоточенные на границе. У нас было достаточно самолетов и танков Т-34, и они могли не допустить господства в воздухе авиации противника и вражеских танков и мотомехколонн на земле. Для этого не требовалось особого обучения личного состава. Я убежден, что те летчики и танкисты, которые у нас были, могли выполнить эту задачу.

Беда заключалась в том, что наличные в приграничных округах войска и авиация не были не только подготовлены к сражению, скажем, за 2–3 недели до 22 июня, когда у противника уже было подвезено около 190 дивизий, о чем из сводок Генштаба нам было хорошо известно, но они даже не получили извещения хотя бы за 10–12 часов до начала наступления врага, для чего были все возможности и указания свыше. При таком положении не исключено, что подвезенные из глубины страны войска могли также пострадать от первых натисков врага.

Мне думается, всяческие попытки оправдать допущенные промахи ничего полезного будущему страны не принесут, а будут лишь дезориентировать людей и таить в себе повторение ошибок. Историки со временем, конечно, опишут события так, как они происходили, но, возможно, это будет уже поздно. На печальных уроках нужно своевременно учиться, не скрывая их и не опасаясь обидеть кого-либо. Забота о безопасности Родины – выше всего.

Начало войны не было "громом среди ясного неба", а фашистская Германия, как бы она ни была сильна и опытна, при нормальном положении не могла рассчитывать "молниеносно" одержать победу над такой мощной страной, много лет готовившейся к отражению возможного нападения. Жертвы (свыше 20 млн человек), понесенные главным образом в первый период войны, требуют не сглаживания случившегося, а детального анализа "потомству в пример".

Не признавать своих ошибок и крупных промахов означает возвеличивать фашистскую Германию. Это равнозначно признанию, что мы делали все правильно, а немцы были настолько сильны и умны, что дошли до Ленинграда, Москвы и Кавказского хребта. Нет, это не так. Советский народ победил своим героизмом, но победа могла быть достигнута меньшими жертвами, без столь глубокого отступления и без доведения страны до "отчаянного" положения, как признал Сталин, видимо не отрицая в этом и своей большой вины.

В последнее время все чаще высказывается мнение о виновности прежде всего Сталина в том, что он чуть ли не запрещал находиться в повышенной боевой готовности. Это не так... и не подтверждается документами. Он, конечно, требовал не провоцировать войны, но это совсем иное дело.

Когда я, будучи наркомом ВМФ, в предвоенные дни докладывал ему о переводе флотов на повышенную готовность, то не встречал возражения. Не поддаваться на провокацию и повышать готовность – вещи разные. Больше того, чтобы не поддаваться на провокацию, нужно быть в повышенной готовности и всему руководству находиться на своих местах, чтобы, если понадобится, отреагировать на осложнение

обстановки. [...] Провоцирует агрессора не повышенная готовность, а соблазн легкой победы, когда он видит неготовность противника.

Военное руководство независимо от поведения политических руководителей обязано было повышать готовность тех войск, которые находились в приграничных округах, предупреждать о злонамерениях врага в последние предвоенные недели и дни и, наконец, быстро оповестить округа о надвинувшейся угрозе, как это произошло вечером 21 июня. Длинная телеграмма из Наркомата обороны, которую я видел в 22 часа с минутами в кабинете наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и которая, как теперь известно, не была своевременно даже получена адресатами, показывает, что до этого времени в округа были даны лишь директивы общего порядка и почти ничего не было сделано по повышению готовности в приграничных округах. После того как Тимошенко и Жуков посетили Сталина, требовался необычный стиль указаний по радио и по телефонам хотя бы в два-три адреса: Павлову, Кирпоносу, Попову⁵³ и др.

Не повысить боеготовность и не создать организацию управления Вооруженными Силами означало не понять современного характера войны. Потерять 1200 самолетов, когда везде так много говорилось о роли авиации в современной войне, – непростительно. За это мы расплачивались весь первый период войны, и наше счастье, что хватило сил и территории, чтобы оправиться и в конечном счете победить.

И.В. Сталин признавал, что в начале войны у нас положение сложилось чрезвычайно серьезное, и не случайно он назвал его "отчаянным", когда в 1945 г. поднимал тост за русский народ, за его терпеливость и доверие к своему правительству. Чем же он объяснял создавшееся "отчаянное" положение? Мне довелось дважды слышать на приемах с участием наших союзников, что нападение было неожиданным и нам пришлось отступать. Более глубокие причины он не раскрывал. Вспоминаю, как после приемов в Кремле в 1944–1945 гг. (довольно частых одно время) И.В. Сталин любил после официального ужина всех пригласить в небольшой кинозал и показать одну-две ленты. Кино смотреть он любил! Помнится, несколько раз он требовал крутить картину "Если завтра война". Война началась не совсем так, как в картине, но он с этим не считался, да и положение на фронтах к 1944 г. было уже хорошим. Приглашенные на очередной просмотр, мы спрашивали друг друга: "Какая будет сегодня картина?" И.Ф. Тевосян, с которым мы часто сидели рядом, лукаво улыбнувшись, отвечал: «Самая новая: "Если завтра война"».

В начале этого "нового" фильма И.В. Сталин кому-то из рядом сидящих громко говорил, что начало у нас было неудачным, и снова объяснял это "неожиданным" нападением Гитлера. Смысл картины, как известно, был таков – враг нападает на Советский Союз, а наши войска, не застигнутые врасплох, тут же переходят в наступление и гонят врага на "его территорию". Если сейчас смотреть на эту фабулу с оперативно-тактической точки зрения и думать только о самом начале войны, то события развивались по-иному. Если же посмотреть на всю войну в целом по предложенной киносценаристом схеме: нападение на нас, смертельные схватки с противником и в конечном счете наша победа, то картина будто бы в какой-то мере оправдывалась. Возможно, это и позволяло Сталину, не смущаясь, снова и снова просить "крутить" этот фильм, когда борьба уже подходила к концу и бои шли на территории противника.

После окончания войны с Германией, когда уже готовились к военным действиям на Дальнем Востоке, на одном из совещаний в кабинете Сталина, когда он находился в довольно благодушном настроении и речь мимоходом зашла о неудачном начале войны на Западе (очевидно, в предвидении войны с Японией), я высказал мысль, что очень важно и там нашим войскам быть в готовности. Сталин слушал, а

я, пользуясь его вниманием, коротко рассказал, как флоты готовились на случай внезапного нападения Германии в 1941 г. Я, по правде сказать, опасался, что задену большое место и это вызовет плохую реакцию. Но И.В. Сталин, немного помолчав, спокойно разъяснил, что теперь положение иное и сравнивать его с 1941 г. неправильно. Наши войска сейчас находятся действительно в полной боевой готовности, научились воевать, а японцы не осмелятся выступить первыми. Я не считал удобным как-либо возразить, но вспомнил, как за две-три недели до начала войны с Германией на мое предостережение, что немецкие транспорты в определенной закономерности оставляют наши порты, получил довольно резкий ответ о невероятности нападения на нас. Но обстановка в 1945 г. была уже действительно иная, и наши войска, полностью отмобилизованные и снабженные новой техникой, находились по-настоящему в полной готовности.

Так или иначе, а опыт начала войны с Германией не должен пройти бесследно... Как известно, США были застигнуты врасплох ударом японцев по американскому флоту в Перл-Харборе, понесли значительные потери и во избежание повторения подобного самым тщательным образом изучали свои неудачи первых часов войны и, насколько мне известно, сделали много практических выводов. По этому поводу написаны целые тома книг с анализом допущенных промахов.

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

№ 2. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. ОРГАНИЗАЦИЯ – КЛЮЧ К ПОБЕДЕ

[...] Нужно со всей откровенностью признать, что война, особенно в первые два года, велась распорядительным порядком, а не по планам, разработанным накануне. Без Сталина никто не хотел решать что-нибудь серьезное, поэтому часто приходилось поступать на свой страх и риск. Долгое время действовали только общие указания, что врага нужно бить всеми средствами и не оставлять ему ничего годного для войны. Но это и так было ясно всем и каждому, а вот организующих документов не доставало. Почти совсем не было разработано положение о том, как будет осуществляться управление боевыми действиями из центра и какие взаимоотношения установятся между фронтами и флотами на месте.

Попытки внести ясность по этому вопросу в предвоенный 1940 год, когда был издан ряд директив по совместной подготовке округов и флотов к боевым действиям на приморских направлениях, фактически результата не имели. Произошло это потому, что армейское командование, с одной стороны, не хотело подчинять флоту ни одной крупной части, а с другой – не хотело брать на себя ответственность за оборону того или иного приморского объекта или военно-морской базы. Я, зная эту излишнюю щепетильность армейских товарищей и их нежелание подчинять, пусть и высокому морскому начальнику (даже такому, как ком[андующий] флот[ом]), ничего крупнее батальона, и ставил вопрос ребром: или давайте подчиним флоту армейскую часть и возложим всю ответственность на моряка, или, наоборот, подчиним базу армейскому начальнику. Но тогда пусть будет черным по белому записано, что этот армейский начальник несет полную ответственность за весь участок или район. Это обычно и являлось камнем преткновения.

В результате этот и все другие вопросы, которые требовали уточнения еще в мирное время, были оставлены на начальный период войны. Сказалось это самым отрицательным образом. Особенно в Прибалтике.

В округе в те дни [командующим] был Ф.И. Кузнецов⁵⁴, а Балтийским флотом командовал В.Ф. Трибуц. Вспоминаю, сколько усилий было затрачено на разработ-

ку совместных документов по поводу того, кто и как будет командовать, если противник предпримет наступление на прибрежном направлении. Кроме общих формулировок, ничего выработано тогда не было. "На море командует Трибуц, а на суше – Кузнецов!" – этим все и завершилось. А вот когда встал конкретный вопрос, как оборонять Либаву, которая в случае войны подвергнется нападению (что и было фактически), то выделенную туда дивизию не хотели подчинять командиру базы М. Клевенскому. Тогда я стал убеждать, что в таком случае следует командира дивизии сделать старшим и на него возложить ответственность за оборону базы. Назначить комдива старшим согласились, а возложить ответственность на него не решились. В результате единого и твердого руководства не получилось: командир дивизии делал свое, а командир базы решал по-своему.

Таких примеров можно привести сотни, и все они шли от нечеткой организации в самом высшем руководстве. К сожалению, в армейских кругах мало значения придавалось войне на море и в прибрежных районах. Господствовали классические сухопутные доктрины ведения войны, и Генеральный штаб отмахивался от всех флотских вопросов, не придавая им большого значения. Только этим можно объяснить нежелание наркома обороны и начальника Генерального штаба принять участие в заседаниях военно-морского совета. Несколько раз я лично просил их побывать у нас, но, когда убедился, что это напрасно, перестал быть назойливым. С.К. Тимошенко отговаривался занятостью, обещал, но не приходил. Г.К. Жуков, как новый начальник Генерального штаба, должен был бы проявить особый интерес к флоту, на управление которым в случае войны он претендовал, но чаще отшучивался в свойственной ему резкой манере.

В первые дни войны мы вообще были лишены какого-либо руководства. Правительство, занятое крупными делами, оказалось малодоступным для меня как наркома ВМФ, а нарком обороны и Генеральный штаб не успевали разбираться со всеми вопросами. Приходилось действовать на свой риск и страх. Трудность этого положения заключалась в том, что, считая, скажем, разумным атаковать Констанцу авиацией и кораблями, я принимал такое решение и, если все обходилось гладко, доносил оперсводкой в правительство. И на этом дело кончалось. Но если, как это случилось с лидером "Москва"⁵⁵, дело кончалось гибелью корабля, меня спрашивали – кто разрешил проводить подобную операцию? Парадоксально, но по документам я не имел права принимать даже такие решения. А организации, у которой я мог спрашивать разрешения, не было. Для этого я должен был в случае нужды, пока обстановка не изменилась, быстро кому-то доложить и получить "добро". Тогда я не обвинялся бы в превышении власти и нес ответственность только за грамотные действия с морской точки зрения.

Но главное, конечно, не в степени ответственности какого-то определенного лица, а в недостаточной эффективности использования всех сил против врага. Отсутствие единого органа, который бы готовил все виды Вооруженных Сил к войне и продумывал их использование, сказывалось на каждом шагу.

Вся беда в том, что два наркомата (обороны и ВМФ) опирались в работе не на четкую организацию, а на указания Сталина. А он в своем аппарате не имел даже советников, которые докладывали бы ему особо срочные письма. Как правило, мои письма лежали до случая, когда я сам оказывался на приеме у Сталина и, если оставалось время, просил решить "залежавшиеся" вопросы. Возможно, для сотрудников Наркомата обороны эта процедура была упрощена, потому как внимания им уделялось несравненно больше.

И еще. Мы не имели единого взгляда на доктрину ведения войны. А ведь это очень важно для одинакового понимания оборонных вопросов. Доктрина, как нечто плохо осязаемое для нас, "скрывалась" в голове Сталина, а он неохотно делился

своими мыслями и намерениями. Порой, правда, высказывался на сей счет, но это были слишком общие соображения. И не случайно сейчас нельзя привести в пример ни одного документа за его подписью, в котором излагались бы взгляды на ведение войны, ее характер и взаимоотношения наркоматов.

Когда я командовал [Тихоокеанским] флотом, мне казалось, что где-то в тайниках штабов все-таки есть разработки и планы, в которых мы нуждались, и только на местах в силу особой секретности о них не знают. Но когда пришел на работу в Москву, обнаружил: никаких тайников нет. Есть только "указания товарища Сталина", но они не сформулированы на бумаге, и руководствоваться ими нет возможности. Более того, на некоторые вопросы я не получал ответов даже у Сталина. А когда был настойчив, ловил на себе косые взгляды окружения Генсека: дескать, зачем лезешь в сферы, тебе недоступные? А официально получал всегда один и тот же ответ: "Когда будет нужно, узнаете".

Словом, накануне войны у нас не было четкой военной доктрины, а поэтому не могло быть и четко сформулированных задач флоту, не была определена и его роль в системе Вооруженных Сил. Без этого нельзя было приступить к разработкам конкретных задач флотам, ведь для этого требуется много времени. Но издать директиву – это самое простое, а основная работа заключается в ее реализации в штабах округов и флотов, затем соединений и, наконец, кораблей и частей. И это все еще только бумага, а главное – вдохнуть в эти бумаги особой важности душу, т.е. на основании этих бумаг подготовить весь командный и рядовой состав. И это самый трудный и длительный путь из всех этапов подготовки к войне. На каждом этапе возникает огромное количество вопросов, требующих взаимной увязки между округами и флотами, между дивизиями и базами, между кораблями и частями, между авиацией армии и флота, между морской пехотой и намеченными к десанту сухопутными частями и т.д. и т.п. Это требует постоянного руководства того и другого наркомата и какого-то единого органа государства, который мог бы поставить все точки над "i". Такого органа не было, и поэтому первые же спорные вопросы на уровне разработки документов между округами и флотами не были решены, и вместо действенных положений на местах ограничились общими формулировками, ничего не дающими в жизнь. Все спорные вопросы были отнесены на военное время. Насколько общими были изданные округами и флотами документы, настолько же неконкретной была и подготовка их частей и соединений.

Отсутствие времени и четких указаний не позволило как следует подготовиться к войне с Германией. В этом одна из многих причин наших неудач в начальный период войны. Возможно, даже самая основная причина кроется именно в отсутствии организации как внутри наркоматов, так и между наркоматами. Действительно, у нас перед войной весь советский народ был отмобилизован против всякого врага, откуда бы он ни пошел на нашу Родину. Готовность жертвовать собой ради Родины была доказана на деле. У нас было достаточно и материальной части, хотя более новая и не поспела на фронты к началу войны. Но чего у нас не было, так это организации.

Сейчас многое пытаются объяснить "вероломным и внезапным нападением" немцев, но на самом деле это неверно. Организация отражения "внезапного" нападения была настолько плохой, что, будь на передовом крае вдвое больше современных самолетов и пушек, чем было в ночь на 22 июня 1941 г., многие все равно погибли бы, не оказав должного противодействия. Впрочем, без единства действий всех видов Вооруженных Сил на большее рассчитывать и не приходилось. Например, мы, моряки, могли принять большее участие в сражениях на сухопутных направлениях. Скажем, в первые месяцы войны на Черноморский флот не было силь-

ного нажима, и он мог более целеустремленно использовать свою авиацию и корабли в помощь фронту. Но опять же дать такое указание было некому.

Годы войны с новыми средствами борьбы, подобными авиации, и тотальный характер ее, когда охватываются все территории и вовлекаются водные пространства, потребовали операций с участием всех сил и средств, а это, в свою очередь, заставило координировать все операции из единого центра и умело осуществлять взаимодействия в таких операциях армии, авиации и флота. Даже при нашем особом положении, когда война в основном шла на сухопутных фронтах, а противником была Германия, обращенная флотом на другого противника и решавшая свои задачи против нас своей сухопутной армией, необходимость такого смешанного из всех родов войск штаба чувствовалась повседневно.

На практике это сильно отражалось на подготовке всех совместных операций – от малых до больших. Отсутствие такого органа в Москве приводило к тому, что Ставка давала приказание фронтам, не посоветовавшись с моряками. Иногда крупные операции проводились без достаточной подготовки. Так, Феодосийская десантная операция в январе 1942 г. проводилась без предварительной проработки в Главном штабе ВМФ, и только на ходу удалось подправить недоработки. Чаще же всего фронты получали приказы и отдавали распоряжения флотам или подчиненным им оперативным флотским соединениям. Отсутствие определенных законоположений на эти случаи приводило к различному пониманию прав и ответственности сухопутными начальниками.

Иногда комфлот успешно договаривался с командующим фронтом, а часто споры оставались нерешенными. Поэтому проводилось в жизнь решение, выработанное смешанным штабом, не наилучшим образом.

К концу войны уже было очевидно, что надо кардинально менять организацию управления Вооруженными Силами, придавая особое значение координации и единству руководства. Из опыта иностранных армий мы узнавали, что там все больше играют роль так называемые объединенные штабы, где все виды вооруженных сил представлены равноправными начальниками. Мы же ограничивались только бесправными представителями от флотов при фронтах, которые связывали фронты с флотами и информировали свое командование о возможном решении фронта.

Только в апреле 1944 г.* мне удалось наконец добиться издания директивы Ставки, в которой определялись функции фронтов и флотов и порядок их взаимодействия при совместных операциях. [...]

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

№ 3. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. КАК ЖЕ ВСТРЕТИЛ ВОЙНУ И.В. СТАЛИН

[1966 г.]

После выхода в свет книги "Накануне" мне довелось часто отвечать на вопросы в письмах или при личной беседе: как же встретил войну И.В. Сталин и верно ли, что он на несколько дней вышел из строя, переживая сильную моральную депрессию?

Вот что мне известно из личных наблюдений и со слов ответственных товарищей – очевидцев.

Сталин с первого дня войны продолжал работать, и вечером 24 июня я его видел, когда из его кабинета по сигналу "воздушная тревога" мы одновременно вы-

* 31 марта 1944 г. (см. гл. 3, док. № 23).

ехали на станцию метро "Кировская". Все эти дни он часто требовал докладов от Наркомата обороны о положении на фронтах. Однако Сталин еще не брал в свои руки руководство войной и довольствовался созданием Ставки Главного Командования во главе с маршалом С.К. Тимошенко. В этом я вижу большой промах с его стороны. Он вел себя так же, как во время Финской кампании, ограничиваясь руководством из своего кабинета. Кроме того, он должен был понимать, что война с Германией – это нечто иное, которое потребует самого полного напряжения сил всей страны, и руководить военными действиями нарком обороны уже не сможет.

От руководства Наркомата обороны в эти самые первые дни поступали довольно утешительные доклады о положении на фронтах (один такой доклад я лично слышал из уст Тимошенко, а другой – от Жукова). Однако Сталин, видимо, имел и другие сведения. Через несколько дней он усомнился в правильности докладов руководства Наркомата обороны.

В конце июня (29-го или 30-го) Сталин с отдельными членами ПБ решил лично отправиться в кабинет наркома обороны и потребовать более обстоятельного доклада: что же делается на фронтах? Там он убедился, что Генеральный штаб не имеет точного представления о положении дел и при докладах ему приукрашивает положение дел. Убедившись в этом, Сталин (как говорил А.И. Микоян) был на редкость возмущен и ругался отборными словами. Не выдержав этой ругани, Г.К. Жуков прослезился и вышел в другую комнату. Вот тогда и было принято решение создать ГКО, сменить наркома обороны и взять в свои руки руководство войной.

Я лично видел Сталина в кабинете Тимошенко на следующий день и вел разговор относительно артиллерии с Моонзундских островов.

В создавшихся условиях Главный морской штаб полностью руководил флотами, несмотря на формальное их оперативное подчинение фронтам.

Воздушная тревога 24 июня оказалась ложной. Еще не готовое убежище в метро "Кировская" форсированно готовилось для Ставки, а соседний особняк – для Сталина и его ближайших помощников. 22 июля была первая воздушная тревога и бомбежка Москвы. С тех пор Ставка вечерами и ночами работала в особняке, пока не было готово убежище в Кремле.

Как нельзя винить только военачальников – Тимошенко, Конева, Рокоссовского, Говорова⁵⁶ и других – в том, что им приходилось отступать в силу не по их вине сложившейся общей обстановки, так нельзя приписывать и спасение Москвы только военачальнику, который будто бы своим гением совершил поворот в обороне столицы. К декабрю 1941 г. наши войска, отступая (возможно, по вине того же военачальника), ослабили немецкую армию, а Ставка и ГКО сумели создать резервы, т.е. были созданы условия для такого поворота в боях под Москвой. В этом участвовала вся страна, и, когда мемуаристы-военачальники приписывают себе львиную долю заслуг, это не совсем верно.

Читаешь воспоминания некоторых военачальников, и складывается мнение: сколько же Наполеонов обеспечили победу и как будто они делали это самостоятельно, без должного руководства свыше! Поэтому, говоря о работе Ставки ВГК и указывая на недостатки в ее работе, никоим образом нельзя утверждать, что победа достигнута прежде всего военачальниками. Записывая эти строки, я вспоминаю выступления на одном весьма узком совещании, когда критиковали Жукова за то, что он только себе приписывал успехи в ликвидации армии Паулюса⁵⁷. Горячо высту-

* Уже во время небольшой, но тяжелой кампании 1939–1940 гг. было очевидно, что система руководства военными действиями требует внимательного пересмотра. Однако Сталин, очевидно, признавал такое руководство из кабинета нормальным и никаких изменений не сделал. – Р.К.

пал А.В. Хрулев⁵⁸: "Сколько мы подали туда со всех концов страны танков, пушек, боеприпасов, сколько поездов было направлено под Сталинград, пока наступление началось!" И он был, конечно, прав.

Объективное описание событий тех дней нужно не только ради истины, но и для правильных взглядов и извлечения нужного опыта. [...]

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

№ 4. ДИРЕКТИВА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ КБФ, СФ, ЧФ, КОМАНДУЮЩИМ ПИНСКОЙ И ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИЯМИ О ПЕРЕХОДЕ НА ПОВЫШЕННУЮ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ

№ зн/87

21 июня 1941 г. 23.50

Немедленно перейти на оперативную готовность № 1.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 12.

№ 5. ДИРЕКТИВА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ КБФ, СФ, ЧФ, КОМАНДУЮЩИМ ПИНСКОЙ И ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИЯМИ О ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕЗАПНОГО НАПАДЕНИЯ НЕМЦЕВ

№ зн/88

22 июня 1941 г. 01.12

В течение 22.6–23.6 возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев или их союзников.

Приказываю, перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 12.

№ 6. ДИРЕКТИВА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ
СОВЕТАМ КБФ, СФ, ЧФ* ОБ АКТИВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОДВОДНЫХ ЛОДОК⁵⁹

№ зн/205

17 июля 1941 г. 19.40

Несмотря на значительное число подлодок в составе действующих флотов⁶⁰, их действия неэффективны. Объясняю это робким и нерешительным использованием. Приказываю действовать энергичнее и решительнее, смело приближаться к берегам для атак транспортов, прижимающихся к берегу, прорываться на базы, на рейды.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

*Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ
в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 35.*

№ 7. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. ПЕРВЫЙ НАЛЕТ НА БЕРЛИН

[1965 г.]

Шел второй месяц войны. Фашисты продвигались вперед. Вражеская авиация прокладывала путь своим сухопутным частям. Наши войска оказывали отчаянное сопротивление, но пока еще не могли остановить бронированный вал немецкой военной машины. Из флотов в самом тяжелом положении в это время находился Балтийский. В первую неделю войны пришлось оставить Либаву. А в конце июня, через несколько дней после падения Риги, неприятель одним острием своего наступления нацелился на Таллин. Авиация Балтийского флота, сосредоточенная к тому времени на аэродромах близ Ленинграда, наносила удары по конвоям в Рижском заливе и помогала сухопутным частям сдерживать движение танковых колонн. Но жаль было растрчивать силы торпедоносной авиации на незначительные сухопутные объекты.

На острове Эзель были аэродромы, однако обеспечивать действующие оттуда самолеты становилось все труднее. Да и остров подвергался частым интенсивным налетам неприятельской авиации. В конце июля фашисты совершили свой первый налет на Москву. Ставка вынуждена была по ночам работать в укрытии. С наступлением темноты вражеские самолеты с немецкой пунктуальностью появлялись над столицей. За одиночными бомбардировщиками налетали группы и сбрасывали бомбы, стараясь попасть в центр города – Кремль. Нам хотелось совершить ответный налет на Берлин. Но как? Самолеты ДБ-3, даже с форсажем (ДБ-3Ф), с ленинградского аэродромного узла не доставали до логова противника. По плану в эти дни мы готовились нанести авиационные удары по Пиллау**, где базировались корабли немецкого флота.

Однажды, развернув обзорную карту, мы с В.А. Алафузовым, исполнявшим обязанности начальника Главного морского штаба, обсуждали общее положение на фронтах, и особенно на морских театрах. Северо-Западное главнокомандование, сформированное в Ленинграде, стремилось остановить врага на Псковском направле-

* Копии направлены: 1) Ленинград, тов. Исакову И.С.; 2) Владивосток, ВС ТОФ.

** В 1946 г. переименован в Балтийск Калининградской области.

нии. Таллин – главная база Балтийского флота – отражал атаки противника, рвущегося к столице Советской Эстонии. Только узкая прибрежная полоска берега оставалась еще пригодной для сухопутных коммуникаций. Положение было нелегким.

И все же Владимир Антонович циркулем примерял, как далеко можно посылать наши самолеты. С ленинградских аэродромов они "дотягивали" лишь немного дальше Либавы. А вот если стартовать с аэродромов на острове Эзель, тогда можно лететь до Кенигсберга и дальше. Это с нормальным запасом топлива по расчетам еще мирного времени. Ну а если взять самый предельный радиус действия этих самолетов? Да, тогда и до Берлина можно достать! Правда, лететь придется над морем и, сбросив бомбы, немедленно возвращаться. Потеряй в полете 20 – 30 минут, и летчики не дотянут до своих аэродромов. Посадка либо на острове Эзель, либо на территории противника – другого выбора нет. Ну, а какой на вражеской земле будет оказан прием нашим летчикам после того, как узнают, что эти "незваные гости" возвращаются из Берлина? Значит, выбора действительно нет. Только один вариант – лететь на Берлин на самой выгодной во всех отношениях высоте и, не теряя времени, бомбить, какое бы сопротивление там оказано ни было. Потом строго прямым курсом возвращаться домой. Одним словом, лететь можно, если найдутся отважные летчики, будет исправной материальная часть и свои аэродромы не закроет туман. Вместе с Алафузовым мы проверяли расчеты. Брали различные нагрузки бомб при полном запасе топлива. Ставили одну ножку циркуля на аэродром, на остров Эзель, засекали дугу окружности на предельный радиус на территории Германии и рассуждали примерно так: "До Кенигсберга долетит? – Долетит". "А до Берлина не долетит? – Не долетит".

Совсем как у Гоголя с колесом: "До Москвы доедет?.. До Москвы не доедет".

Наконец после консультации со специалистами пришли к заключению, что если самолеты возьмут полный запас горючего – 3000 кг – и не более 750 кг бомб, то они пройдут расстояние до Берлина – около 900 км – и вернутся домой, имея 10–15% запаса горючего.

Было это в последние дни июля. "Заманчиво, – подумал я, – но не пошлем ли мы летчиков на операцию, из которой они не вернуться?" Нужно было еще раз все взвесить и только потом решить. Да и после этого я должен был спросить разрешения Ставки Верховного Главнокомандования. Дело было серьезное и выходящее за рамки прав наркома Военно-Морского Флота.

Командующий ВВС ВМФ С.Ф. Жаворонков⁶¹ был поставлен в затруднительное положение. С одной стороны, его же данные показывали, что такую операцию провести можно. С большим риском, на пределе, но можно. С другой – какая огромная ответственность ложится на него, если полет окажется неудачным и с большими потерями. Ведь можно потерять и все самолеты. "Буду докладывать Ставке", – сказал я ему, чтобы подчеркнуть всю серьезность положения. "Дайте подумать, посоветоваться с исполнителями", – ответил Семен Федорович.

Еще раз все было проверено и взвешено. Намеченным для такого ответственного задания полком командовал полковник Е.Н. Преображенский, а штурманом полка был прекрасный специалист капитан П.И. Хохлов. Произведенные им расчеты подтвердили возможность выполнения такой задачи.

И вот через два дня на очередном докладе Верховному Главнокомандованию я разложил карту Балтийского моря, на которой остров Эзель и Берлин были соединены жирной линией, показаны расстояния и расчеты, какое количество бомб можно взять: одна пятисотка или две по двести пятьдесят, не больше, иначе не хватит топлива.

Бомбардировочный удар советских самолетов по Берлину имел тогда большое политическое значение. Ведь именно в это время немцы уже трубили о разгроме

нашей авиации. Налет на логово врага, как ничто другое, убедительно доказал бы обратное. Ставка утвердила наше предложение. "Вы лично отвечаете за выполнение операции", – было сказано мне на прощание.

Вернувшись, я тут же отдал все нужные распоряжения. На основании решения Ставки Военному совету Балтийского флота было приказано подобрать 15 экипажей Первого минно-торпедного полка и к 10 часам 2 августа перебазировать их на Эзель. Ранее поставленную задачу – бомбардировку Пиллау – пришлось отменить. Контроль и руководство подготовкой к полетам были возложены персонально на С.Ф. Жаворонкова.

После принятия решения Ставка торопила меня. Понимая всю ответственность перед людьми, которым предстояло выполнять столь рискованное задание, было решено сначала выполнить ряд пробных полетов, убедиться в возможности налета на Берлин, собрать нужные данные о воздушной обороне противника и только после этого дать окончательное "добро".

В ночь со 2 на 3 августа был произведен вылет на разведку погоды и бомбежку ближнего объекта – Свинемюнде. Экипажи взяли полный запас горючего и бомб – как бы для полета на Берлин – и поднялись с аэродрома Кагул. Операция показала, что отлично тренированные летчики могут стартовать и с этого ограниченного аэродрома.

В ночь с 4 на 5 августа пять самолетов произвели разведывательный полет на Берлин. Было установлено: зенитная оборона расположена кольцом вокруг него в радиусе 100 км, много прожекторов с эффективностью действия до 6 тыс. м.

Теперь все было ясно: полет труден, но возможен. На месте произвели последнюю тщательную проверку материальной части и получили приказ: выполнить задание при первой возможности.

Прошло еще несколько дней, и самолеты поднялись в воздух. Их было 15. Командовал операцией лично Евгений Николаевич Преображенский. Его ближайшими помощниками в группах были капитан В.А. Гречишников и А.Я. Ефремов, штурманом летел П.И. Хохлов.

Мы получили сведения о вылете самолетов как раз перед моим отъездом на доклад в Ставку. Я был уверен, что первым будет вопрос: "Как дело с налетом на Берлин?" Приятно было доложить, что операция началась. Будем ждать результатов.

А вот что происходило на месте. В ночь на 7 августа самолеты с полным грузом едва оторвались от земли и, не теряя ни одной минуты, взяли курс на Берлин. Им не приходилось считаться с опасностью полета над морем или выбирать безопасный курс над территорией противника. Высота являлась их единственным средством защиты от зениток и истребителей. Немцы не ожидали такой дерзости, и, будучи замеченными, наши самолеты в первом полете не были даже обстреляны до конца бомбежки. Во время подхода к цели сигналами с земли их спрашивали: кто они и куда летят? Иногда, считая, что это сбились с пути свои, им предлагали сесть на один из ближайших аэродромов. Обманутые пропагандой Геббельса, будто "с востока опасности нет", наблюдательные посты в Германии предполагали что угодно, кроме возможного налета советских самолетов. Фашисты в эти дни еще рвались к Ленинграду, Москве, Ростову и думали, что они уже близки к цели. А в это время советские самолеты летели на высоте до 7000 м, чтобы сбросить бомбы на вражеское логово.

Берлин не был затемнен. Налеты с Запада были тогда еще редкими, слабыми, и жители столицы успевали подготовиться к ним с момента объявления воздушной тревоги. Скоро цель. По огням и контурам приметных мест, рек, озер, дорог штурман Хохлов уточнял свой курс и вел самолеты прямо на центр Берлина. Они уже

над целью, а зенитного огня все еще нет. "Значит, не ожидают", – подумал Евгений Николаевич и устремленно продолжил полет. Наконец наступило время бомбить. Бомбы сброшены по цели. Самолеты, облегченные каждый на полтонны, качнулись и заметно быстрее полетели дальше. Наблюдать за результатом бомбежки уже не было возможности. Теперь прожекторы шарили по небу, а за ними – и разрывы зенитных снарядов. Они наблюдались сейчас вокруг самолетов.

Но что бы ни случилось дальше, а задание было выполнено. Это радовало всех, и опасность полета домой, ограниченность топлива или возможная плохая погода над аэродромом отступали на задний план.

Через тринадцать лет мы вместе с Евгением Николаевичем Преображенским летели в Порт-Артур и почти всю дорогу вспоминали военное время. Тогда-то и рассказал Преображенский подробности первого налета на фашистский Берлин. Правда, начался разговор с биографии Преображенского. Он немного налегал в разговоре на "о". "Вы где родились?" – спросил я Преображенского, в то время уже командующего ВВС Военно-Морского Флота. "Вологодский я", – ответил он.

Потом речь снова зашла о том первом полете, и я спросил у бывшего командира полка, были ли это для него самые трудные дни. "Нет, – не задумываясь, ответил генерал-полковник Преображенский. – Пожалуй, трудней всего было мне, когда позднее я сел между двумя фронтами и не знал, как выбраться оттуда".

Но речь пока шла о первых днях войны, и Евгений Николаевич удовлетворил мое желание. Он рассказал, что летчики его полка были самыми подготовленными. Они привыкли летать далеко в море, и водобоязнь для них была уже пройденным этапом. Каждый из них имел более 2000 летных часов на боевых самолетах. Из его слов я мог заключить, что о налете на Берлин они думали и до получения приказа из Москвы. Штурман полка П.И. Хохлов тщательно просчитывал расстояния. Линия фронта от Берлина была уже удалена более чем на 1000 км. Только острова Эзель и Даго располагались ближе к цели. Да и отсюда по прямой было около 900 км. Туда и обратно требовалось не менее 7 часов полета на высотах до 8000 м. К тому же почти до Штеттина нужно было лететь над морем.

"В самом конце июля в Беззаботное прилетел командующий ВВС ВМФ С.Ф. Жаворонков, – вспоминал Преображенский. – Началась тщательная проверка материальной части и подбор самых опытных летчиков. Мы понимали, какое значение имеет это задание, и готовились, не жалея сил. Потом полет в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. Разбившись на три группы, на машинах, перегруженных до предела, поднялись в воздух с летного поля весьма ограниченных размеров. Лететь пришлось в облаках или над ними. А навигационное оборудование на самолетах того времени было неважным. Берлин был не затемнен, зенитные орудия не стреляли. И только когда мы сбросили бомбы, по нашим самолетам был открыт сильный огонь. Большое напряжение сил в полете сказалось потом, когда летчики уже подходили к своему аэродрому. У некоторых не хватало выдержки, и, когда самолеты шли на посадку, они бросали штурвал раньше времени, делали "козла", чего никогда не замечалось за ними до этого".

В чем дело? Почему фашисты разобрались не сразу, даже после того, как разрывы бомб в центре города оповестили их о налете? Газеты приписывали эти успехи англичанам. Сообщение было таким: "Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолетов". На это англичане ответили: "Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7–8 августа английская авиация над Берлином не летала". Даже здесь геббельсовские пропагандисты не удержались от лжи, выдумав миф о шести сбитых английских самолетах. Английские газеты не замедлили опровергнуть эту версию: самолеты союзников в этот день не появлялись над Берлином. Не верить этому не

было оснований, и тогда пришлось сделать вывод, что этот успешный налет произвели советские самолеты. Вот тебе и скорая победа на Восточном фронте, вот тебе и уничтоженная советская авиация!

Сообщение об успешном возвращении самолетов и сведения о суматохе, которая была вызвана неожиданным нападением, обрадовали нас, и я немедленно по телефону доложил об этом в Ставку Верховного Главнокомандования. Больше всех и заслуженно радовались этому, конечно, балтийцы, на которых в то время напирал враг, и особенно летчики морской авиации. Так летчики флотской авиации первыми совершили налеты на Берлин. За первым последовали и другие. Но условия стали более тяжелыми. Теперь противник встречал наши самолеты ожесточенным огнем, едва они переходили береговую черту, а над Берлином действовала вся система противовоздушной обороны немецкой столицы. Приходилось разрабатывать каждый раз особую тактику. Выручала большая высота. Там, на высоте свыше 7000 м, оказались малоэффективными даже действия вражеских ночных истребителей со специальными мощными фарами и огонь немецких зениток.

Пришлось и нам усиливать защиту аэродромов Кагул и Асге. Туда были передислоцированы почти все зенитные средства островов и скромные истребительные силы. Гитлеровская ставка потребовала от своего командования "ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Даго и Эзель, и в первую очередь аэродромы, с которых производятся налеты на Берлин".

Налеты на Берлин превратились в длительную и сложную операцию. Они закончились 5 сентября. Когда мы оставили Таллин, обеспечение базирования авиации на островах стало невозможным. Всего было произведено десять налетов. Сброшено 311 бомб. Зарегистрировано 32 пожара⁶².

Для меня навсегда остались в памяти не только налеты авиации на фашистский Берлин, но и фамилии тех, кому было присвоено звание Героя Советского Союза. Это Е.Н. Преображенский, П.И. Хохлов, В.А. Гречишников, А.Я. Ефремов, М.Н. Плоткин. [...]

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

№ 8. Г.В. ТЕРНОВСКИЙ*. ВОЕННЫЕ МОРЯКИ ПОД МОСКВОЙ

18 октября 1941 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление о формировании морских стрелковых бригад. Нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов отмечал: "В первой половине октября 1941 г. я получил от Ставки указание подготовить проект решения о формировании ряда морских соединений. Этот вопрос был обсужден в Главном морском штабе, после чего приняли решение о формировании для обороны Москвы пяти-шести бригад, главным образом из состава Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Постановлением ГКО от 18 октября 1941 г. наше решение было утверждено. Это явилось весьма важной мерой, продиктованной, с одной стороны, сложностью обстановки под Москвой, с другой – несомненно боевым авторитетом военных моряков".

В самый тяжелый момент, 19 октября (когда наша столица была объявлена на осадном положении), был срочно создан и отправлен на фронт 1-й Московский от-

* Терновский Георгий Владимирович – Герой Советского Союза, капитан 1-го ранга. В начале 1943 г. впервые в практике войны Г.В. Терновским была смонтирована реактивная установка "Катюша" на тральщике "Скумбрия" и применена при высадке десанта на "Малую землю". После войны закончил Военно-морскую академию. Историк, автор ряда книг. – Р.К.

дельный отряд моряков. В боевом формуляре этого отряда записано: "По указанию Ставки Верховного Главнокомандования приказом Военного совета Московской зоны обороны от 23 октября 1941 г. № 09/ОП был образован первый Московский отдельный отряд моряков, в состав которого входили: батальон охраны НК ВМФ, батальон Московского флотского экипажа, гвардейский флотский дивизион РС ("катюш"), дивизион моряков ПТО (противотанковых орудий), мотоциклетный батальон и танковая рота" (все вошли, кроме мотоциклетного батальона и танковой роты).

Начальником артиллерии в 1-м Московском отряде моряков был назначен капитан Н.К. Сорокин (отличившийся под Вязьмой). Он укомплектовал и вооружил артдивизионы, которые вошли в морской отряд. Сам Сорокин позже вспоминал, что сначала приходилось проявлять немалую изобретательность. Ему, как бывшему сотруднику Артиллерийского управления наркомата, было известно, на каком заводе делалось это оружие. Выяснилось, что на складах готовых орудий нет. Как быть? И Сорокин вышел из положения. Захватив с собой около взвода наиболее опытных старшин и матросов, комендоров, а также нескольких артиллерийских техников, он отправился прямо на завод. Оказалось, что все оборудование завода и готовые детали эвакуированы на Урал. Рядом с заводом жили два мастера (пенсионеры). Майор обратился к ним. Отлично зная Н.К. Сорокина, они помогли ему отыскать часть изготовленных крупных деталей, которые не успели вывезти и надежно закопали.

День и ночь без отдыха трудились на сборке сами моряки... Работали под руководством опытных мастеров. И через двое суток артиллерийский и минометный дивизионы 1-го Московского отдельного отряда моряков имели совершенно новые, опробованные на полигоне боевыми выстрелами, лучшие по тому времени пушки и гвардейские минометы. Тогда же моряки отдельного морского отряда починили своими силами более 30 грузовых машин, которые отыскивали в гаражах эвакуированных из Москвы учреждений и предприятий.

С утра до ночи шла специальная боевая подготовка во всех батальонах Московского отдельного морского отряда. Его разместили в просторных казармах в Хамовниках. Тут же, при казарме, был большой тир. В нем ни на минуту не смолкала учебная стрельба. Всем отрядом побатальонно регулярно выезжали на тактические занятия по изучению особенностей боя на суше. Занимались на местности за городом, в самых суровых условиях, близких к боевым. Отдельный морской отряд вошел в оперативное подчинение командующего войсками Московской зоны обороны.

В те дни, когда крупные силы врага стояли у самого порога советской столицы, на Красной площади Москвы 7 ноября проходил традиционный парад наших войск, посвященный 24-й годовщине Великого Октября... В параде принял участие и 1-й Московский отдельный морской отряд. Были здесь также две курсантские роты с Московских курсов переподготовки морских командиров (они существовали в Москве с августа 1941 г. Были созданы по приказу начальника Главного морского штаба адмирала Л.М. Галлера). Вместе с войсками они ушли на фронт и влились в состав знаменитой 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И.В. Панфилова⁶³. Курсанты приняли на себя мощный удар вражеских танков под Волоколамском.

В этот же день только что вернувшийся с парада 1-й Московский отряд моряков был выстроен на плацу Хамовнических казарм. Перед моряками выступил бригадный комиссар И.В. Звягин и объяснил всю тяжесть обстановки под Москвой. Потом напутственное слово произнес нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. В торжественном строгом молчании блестящее позолотой букв боевое знамя из рук Николая Герасимовича Кузнецова приняли командир 1-го отдельного отряда моряков полковник Смирнов и военком отряда Владимирив. Они поцеловали белоснежный шелк большого полотна с алой пятиконечной звездой и серпом и молотом над блестящей

голубой полосой нижней кромки. Затем командир и комиссар широко развернули боевое знамя перед строем. И все увидели на его широком полотнище расшитую позолотой надпись: "1-й Московский отдельный отряд моряков". От имени всего личного состава командир и комиссар дали слово оправдать оказанное отряду высокое доверие.

Всего за два дня до этого, когда был окончательно сформирован 14-й минометный дивизион под командованием капитан-лейтенанта А.А. Москвина, огромное впечатление на всех присутствующих произвело опробование моряками на подмосковном полигоне новой грозной боевой техники. Вместе с армейскими командирами присутствовали при этом адмирал Н.Г. Кузнецов и начальник ГМШ адмирал Л.М. Галлер. Было произведено несколько одиночных выстрелов 132-мм снарядами. Эффект превзошел все ожидания. Адмирал Галлер, напутствуя первых моряков-ракетчиков, отправлявшихся с полигона на фронт, заметил командиру дивизиона капитан-лейтенанту А.А. Москвину: "С таким мощным оружием да с вашими отличными, испытанными в боях моряками любому врагу явно не поздоровится. Можно уверенно считать, что обнаглевших гитлеровцев не только в Москву не допустим, а будем громить до полной победы, изгоняя со священной советской земли".[...]

Терновский Г.В. Военные моряки в битвах за Москву. М., 1966.

№ 9. ИЗ ПРИКАЗА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА О БОЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР НА ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

№ 0733

9 августа 1941 г.

В целях повышения подготовленности соединений, кораблей и частей к выполнению боевых задач П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Боевую подготовку соединений, кораблей и частей проводить повседневно с учетом обстановки, построив ее в соответствии с требованиями военного времени.

2. В обучении особое внимание обращать на подготовку соединений, кораблей и частей к успешному выполнению ближайших боевых задач.

3. Личный состав обучать и тренировать в первую очередь действиям по боевому использованию оружия и механизмов с учетом полученного боевого опыта.

4. Начальствующий состав учить и тренировать в использовании боевых средств в бою, особенно обращать внимание на отработку управляющих огнем и обучение командиров маневрам корабля в бою.

Командирскую учебу строить на основе разбора проведенных боевых действий своего соединения, изучения тактики противника и выработки новых тактических приемов в разрезе поставленных боевых задач.

5. Вновь вступающие в строй корабли, части и соединения готовить в возможно сжатые сроки, добиваясь к моменту вступления в строй отработки личного состава к использованию средств активной обороны и эксплуатации материальной части.

6. Изыскивать все возможности для фактического минимума огневых задач перед выходом корабля, части в операцию.

7. При проведении БП особо обращать внимание на ее организацию и обеспечение.

Командирам всех степеней личным участием добиваться высокого качества БП и планировать ее так, чтобы каждый день и час кончался завершенной отработкой отдельных действий, приемов бойца, корабля, соединения и части.

8. Опыт боевой подготовки лучших соединений, кораблей и частей и опыт боевых действий немедленно переносить на другие соединения, корабли и части.

9. Обобщенный материал по боевой подготовке и опыту боевых действий, по использованию оружия и техники по мере его поступления и обработки штабом флота, флотилии высылать в УБП для внедрения на другие флоты.

10. Руководство и контроль БП, обобщение боевого опыта по использованию оружия, техники и тактики осуществлять через отделы подводного плавания.

Управлению боевой подготовки ВМФ:

1. Работу управления по руководству БП флотов построить в соответствии с требованием настоящего приказа.

2. Проведением периодических выездов, посылкой отдельных командиров-специалистов контролировать ход БП на флотах.

[...]

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 44–45.

№ 10. ПРИКАЗ НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФЛОТОВ ОБ ОПЕРАТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОРПЕДНЫХ КАТЕРОВ

№ 093

21 января 1942 г.

Семимесячный опыт войны против германского фашизма указывает, что, несмотря на нахождение в составе Военно-Морского Флота большого количества торпедных катеров⁶⁴, наличие всех предпосылок к эффективному их использованию и героической работе их экипажей, торпедные катера используются недостаточно умело и целеустремленно.

К недостаткам в области использования торпедных катеров относятся:

1. Плохая, неконкретная постановка боевых задач. В отдельных случаях задачи вообще не ставятся, и торпедные катера, предоставленные сами себе, бездействуют.

2. Соединения торпедных катеров передаются в подчинение общевойсковых командиров, нередко не вполне компетентных в вопросах использования торпедных катеров. При этом военные советы и штабы флотов не интересуются, как эти командиры руководят соединениями торпедных катеров; неумеющих командиров не учат использованию торпедных катеров.

3. Торпедные катера зачастую используются не по прямому назначению, а как быстроходное транспортное средство.

4. Моторесурс торпедных катеров расходуется неэкономно.

Основной же первопричиной вышеуказанных недостатков является практическое непонимание и незнание оперативных и тактических свойств торпедных катеров не только общевойсковыми командирами соединений флота и их штабами, но и командованием и штабами флотов.

Приказываю: Военным советам флотов по боевому использованию торпедных катеров принять к исполнению следующее:

1. Основными задачами торпедных катеров считать:

- а) торпедные атаки надводных кораблей;
- б) набеговые операции на базы для той же цели;
- в) борьбу с подводными лодками;

г) постановку активных минных заграждений⁶⁵.

2. При использовании торпедных катеров против надводных кораблей:

а) точно и заблаговременно указывать цель (объект, время и место атаки). При невозможности указания места объекта атаки перед выходом организовать разведку авиацией и надводными кораблями для последующего наведения развернутых в море торпедных катеров;

б) атаку катеров производить решительным сближением на дистанцию залпа до 4–5 кабельтовых⁶⁶;

в) выход в дневную атаку и отход обязательно обеспечивать постановкой дым-завес;

г) объектами атаки назначить корабли, имеющие достаточную для торпедирования осадку. Для уничтожения барж, шхун, катеров и других мелких судов использовать корабли и катера (сторожевые), имеющие достаточное артиллерийское вооружение. Пулеметные атаки подобных объектов торпедными катерами не допускать.

3. При использовании торпедных катеров против подводных лодок:

а) торпедные катера назначать только для нанесения удара по подводным лодкам. Существующую практику постановки торпедным катерам задач на поиск подлодок – прекратить;

б) задачу поиска возлагать на авиацию, надводные корабли и катера, имеющие акустическое оборудование для прослушивания;

в) ночью против перезаряжающихся подлодок торпедным катерам применять торпеды.

4. Постановка активных минных заграждений с торпедных катеров при надежном навигационном обеспечении. В тех случаях, когда навигационное обеспечение по каким-либо причинам затруднено, компенсировать его тщательной подготовкой командиров к плаванию в районе постановки.

5. До поступления на вооружение торпедных катеров с моторами экономичного хода запретить использование торпедных катеров для охраны транспортов.

6. Все операции торпедных катеров обеспечивать тщательной разведкой, с тем чтобы их действия были правильно и своевременно нацелены. Твердо усвоить, что посылка катеров в операцию без тщательного расчета, основанного на хорошей разведке, обречена заранее на неудачу из-за малого оперативного радиуса⁶⁷ катеров, не допускающего им самим производить поиск.

7. Во всех случаях прикрывать и обеспечивать торпедные катера в первую очередь от авиации противника. В светлое время суток запретить выход в море катеров без прикрытия истребительной авиацией или кораблями с достаточно мощной зенитной артиллерией.

8. Наряду с использованием катеров ручного управления практиковать использование катеров волнового управления⁶⁸, особенно в операциях против противника, действия катеров ручного управления, особенно при этом учитывая необходимость прикрытия истребительной авиацией как водимых катеров, так и самолетов-водителей.

9. Особое внимание уделить боевому управлению, твердо помня, что сами свойства торпедных катеров (малый оперативный радиус наряду с большой скоростью и однократностью использования оружия⁶⁹) исключают возможность исправления в ходе операции промахов и просчетов в управлении.

10. Обязательным условием не только каждой операции торпедных катеров, но и каждого выхода в море хотя бы одиночного катера принять метеорологическое обеспечение.

11. Личный состав торпедных катеров воспитывать инициативным, смелым и решительным. При постановке боевых задач не допускать мелкого опекунства, а предоставлять командирам широкую инициативу действий, обеспечивая правильность принимаемых ими решений полной и подробной информацией об обстановке и общей задаче.

12. Военным советам и штабам проверять подготовленность общевоинских командиров к использованию торпедных катеров. В необходимых случаях организовывать инструктаж и обучение этих командиров грамотному использованию торпедных катеров.

13. Решительно изжить практику использования торпедных катеров как транспортного средства, за исключением случаев оперативной необходимости.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 86–88.

**№ 11. ПРИКАЗ НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА
ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ О ПОВЫШЕННОЙ
БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ФЛОТОВ В 1942 г.**

№ 00400

30 января 1942 г.

Совершенно секретно

1. Повышение боевой готовности и боевой мощи Военно-Морского Флота СССР в 1942 г. для совместного с Красной Армией разгрома фашистских сил должно идти за счет максимального использования военного опыта, накопленного за 7 месяцев войны, и направленной боевой подготовки в любое время, допускаемое обстановкой.

2. Основные положения моего приказа № 0300 от 29 декабря 40 г. и № 0733 от 9 августа 41 г. остаются в силе.

При этом целеустремленность всех видов БП должна быть направлена на решение конкретных оперативных задач, поставленных флотам и флотилиям Верховным Главнокомандованием через соответствующее фронтовое командование, и отвечать фактической обстановке, сложившейся на театре.

3. Подвиги наших моряков-подводников, летчиков, надводных кораблей и бойцов береговой обороны и морских бригад, героические примеры защитников Ханко, Севастополя, Ленинграда и многих других показывают, какими замечательными кадрами располагает Военно-Морской Флот СССР и что можно делать с ними при надлежащем руководстве.

Боевая живучесть новых кораблей и успехи основного оружия флота – морской артиллерии при обороне Ленинграда или подводников Северного флота, потопивших более 50 фашистских транспортов и кораблей при безотказном действии торпед "53-38"; новые самолеты и авиавооружение показывают наглядно, что Военно-Морской Флот СССР имеет вполне современное и надежное оружие, безотказно уничтожающее врага при условии, если это оружие отлично содержится и люди хорошо обучены его использованию. Снабжение флотов бесперебойно обеспечивало их боевую деятельность.

Таким образом, у нас есть все необходимое, чтобы окончательно разгромить врага. "Враг будет разбит. Победа будет за нами".

Для ускорения победы над фашистами военным советам флотов и флотилий надлежит: поддерживая постоянную боевую готовность всех сил и средств, одновременно всеми мерами добиваться быстрой ликвидации слабых сторон подготовки, управления и обеспечения боевой деятельности вверенных им частей и соединений, для чего П Р И К А З Ы В А Ю :

4. В области оперативной и тактической:

1. Произвести фактическое усиление обороны баз флота с суши в части выделения дополнительных материальных средств, создания и оборудования современной оборонительной системы, организации взаимодействия флота и авиации с гарнизоном сухопутного фронта базы и обязательного согласования плана обороны с армейским командованием.

2. Закрепить в приказах или кратких наставлениях основные формы и методы взаимодействия с Красной Армией, освоенные на опыте совместных боевых операций (высадка десанта, поддержка фланга огнем кораблей, совместные удары ВВС флота и армии, оперативные перевозки и т.д.).

3. Ни в коем случае не ослаблять дальнейшего освоения сложных форм взаимодействия массированных соединений флота и ВВС для решительных ударов по главным объектам противника (эскадре, десанту, базе). Несмотря на то что до сих пор таких примеров было мало, в последующей фазе войны все это может понадобиться и, возможно, сыграет решающую роль.

4. Решительно улучшить планирование и систематическое управление операциями подлодок на коммуникациях противника. Малоуспешный опыт ЧФ и весьма успешный опыт СФ подтвердили, что ПЛ ПЛ наносят громадный ущерб врагу и несут сами минимальные потери только при условии, если ими управляют из одного штаба, управляют непрерывно, скрупулезно и систематически изучают обстановку, непрерывно обеспечивают ПЛ ПЛ данными разведки театра и противника всеми средствами, включая данные от самих подлодок, и когда их операции планируются не изолированно, а во взаимодействии с ВВС и надводными силами.

5. Сейчас, когда в результате семимесячной боевой деятельности флотов многие районы моря оказались заминированными как нами, так и противником, особое внимание уделить созданию и поддержанию выгодного для нас режима на театре. Сюда относятся:

а) поддержание необходимых минных и сетевых заграждений и очистка опасных районов, нужных для плавания наших кораблей;

б) организация безопасного плавания по фарватерам, обеспечивающим наши коммуникации (траление старых фарватеров, создание новых; гидрографическое обеспечение фарватеров; воздушное прикрытие конвоев и т.д.);

в) организация конвоев, усиление ПЛО в пределах ОВРов баз, коммуникаций и маневренных районов театра;

г) непрерывное наблюдение всеми средствами (СНиС ВВС, РР, техническими средствами и т.д.) за теми же районами для своевременного обнаружения постановки мин противником с самолетов, надводных кораблей или с подлодок.

6. Запретить использование кораблей для выполнения ими не свойственных задач без крайней к тому необходимости, т.к. это одновременно ослабляет нас на других направлениях и влечет к произвольному расходу ресурса механизмов или боезапасов (использование боевых ТК для посыльной службы на КБФ; обстрел Ялты одной ПЛ на ЧФ и т.д.).

7. Решительно улучшить разведку сил противника и театра всеми имеющимися средствами и методами.

В лучшем случае командование и штабы знают, с каким противником находятся в соприкосновении наши силы. Глубина боевого порядка противника разведывается слабо, система базирования, особенно в части ее изменений (базы флота, аэродромы, не они сами, а силы, на них базирующиеся в каждый данный момент, так же как и коммуникации противника, его резервы и ресурсы), разведывается очень плохо.

Разведывательная служба на всех флотах поставлена еще плохо.

Необходимо более систематически заниматься планированием, организацией и обеспечением разведки во всех звеньях штабной службы – от штабов флотов и до отдельных частей, кораблей, самолетов.

Хорошее выполнение разведзаданий поощрять.

Решительно улучшить и расширить использование фоторазведки ВВС.

5. В области закрепления новых тактических приемов и применения оружия:

1. В процессе выполнения боевых операций флоты приобрели новые тактические навыки и приемы, освоение которых повышает боевую мощь флота. Например:

1) постановка минзаграждения с ТК ТК и самолетов на внутренних фарватерах противника (БТК и ВВС КБФ);

2) высадка оперативного десанта с боевых кораблей (ЧФ в Феодосии);

3) марш-маневр крупных войсковых соединений через лед (ЧФ);

4) задымление главной базы флота при артиллерийском обстреле (КБФ) и др.

Однако без должного закрепления этой практики в соответствующих наставлениях, хотя бы и временных, этот опыт будет оставаться в пределах одной части, не передаваясь другим соединениям и другим флотам для дальнейшего совершенствования.

ВС флотов в кратчайший срок издать подобные боевые наставления и, введя их в жизнь, представить мне через ГМШ для решения о внедрении их в действие на других флотах.

2. Ни в коем случае не допускать ослабления внимания к готовности оружия, еще не нашедшего случаев боевого применения из-за сложившейся обстановки.

Примером может служить торпедное вооружение миноносцев. За 7 месяцев ни на одном флоте не было случая торпедной атаки ММ и ЛД кораблей противника.

Противник до сих пор уклонялся от решительной схватки с нашими надводными силами, решая свои задачи на море главным образом при помощи подлодок, авиации или мин. Однако было бы преступным снизить уровень готовности всей материальной части или БП личного состава БЧ-3 миноносцев, т.к. в решительную минуту она может внезапно понадобиться и сыграть решающую роль в бою.

В той же мере это относится к химическому вооружению кораблей, авиационных и сухопутных частей флотов, т.к. не исключена возможность внезапного химического нападения со стороны врага.

3. Отмечается очень робкое использование торпедного оружия с самолетов (только СФ), несмотря на то что опыт морской войны в Средиземном море и в Тихом океане показал примеры исключительно эффективного его использования.

Необходимо подготовить и применить торпедометание с самолетов по боевым кораблям и транспортам противника в сочетании с одновременным бомбовым ударом самими ВВС или атакой ТК ТК или легких сил.

4. Учитывая все возрастающую угрозу для кораблей всех классов со стороны авиации, необходимо дальше работать над тактикой ПВО кораблей и соединений и над повышением эффективности огня всех противовоздушных средств.

5. Уничтожение магнитных и акустических мин должно быть первейшей заботой штабов флотов и баз, начиная с организации наблюдения за их постановкой противником, регистрации и траления при помощи соответствующих средств или импровизированных приспособлений.

Успешный опыт уже есть на ЧФ и КБФ. УБП совместно с МТУ помочь распространить этот опыт на все театры в самый короткий срок.

6. Особое внимание уделить практическому освоению нового оружия и средств (РС на катерах, приборы АСДИК и т.д.), поступающих на вооружение флотов.

6. В области управления:

1. Почти на всех воюющих флотах многократно отмечается запаздывание боевых донесений и приказаний из-за плохой работы штабов и громоздкости методов управления.

Начальникам штабов флотов пересмотреть схемы организации связи, все действующие ТУСы, методы кодирования по картам квадратов и т.д., особенно для таких действий, которые требуют быстрого управления (корректировка огня, наведение, данные тактической разведки, служба ВНОС и т.д.) и всемерно их упростить (БУМС-37, ст. 46 и 56).

2. Почти на всех флотах были недопустимые случаи обстрела своих самолетов, а также ТК ТК (КБФ), нередко с тяжелыми последствиями.

Это является следствием: а) плохой системы и дисциплины опознания и б) безответственности в деле оповещения.

Военным советам флотов и флотилий пересмотреть систему опознания и оповещения для кораблей и самолетов в сторону их упрощения и надежности, добиться четкой организации этой отрасли управления и ни один случай нарушения, даже не повлекший печальных последствий, не оставлять безнаказанным.

Никто не имеет права попустительствовать в том случае, когда это объективно играет на руку врагу.

3. Плохо то, что разведка работает еще неудовлетворительно, но еще хуже то, что те немногочисленные данные, которые дает разведка, используются плохо или вовсе остаются неиспользованными.

ТК ТК КБФ перед выходом в операцию сами опрашивали посты СНиС и командиров кораблей об обстановке, вместо того чтобы получать ее от штаба флота. На ЧФ были случаи, когда обнаруженные ПЛ мины на позиции не передавались тотчас всем остальным и т.д.

4. На всех флотах плохо поставлена отчетность по выполняемым боевым действиям и исключительно низка культура учета расхода людей или материальных ресурсов.

Военные советы, не требуя сами кратких и сжатых отчетов от подчиненных, тем самым приучают их к безответственности и лишают себя возможности контролировать или передавать их опыт другим соединениям.

Кроме того, без правильного учета расхода и потерь (а также трофеев) нельзя планомерно восполнять эти потери и обеспечить боевую деятельность частей, соединений или флота в целом. Отсутствие хорошего учета влечет за собой завышенные заявки, что в процессе напряженной войны является преступным или приводит к нервным запросам и телеграммам, дезориентирующим все органы управления и снабжения. [...]

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

№ 12. ПРИКАЗ НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ СЕВЕРНОГО, БАЛТИЙСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТОВ О РАЗВЕРТЫВАНИИ АКТИВНОЙ МИННОЙ ВОЙНЫ

№ 00111

18 апреля 1942 г.

Использование нашим Военно-Морским Флотом минного оружия осуществляется в недостаточных масштабах, неэффективно и без надлежащей активности. Оборонительные минные заграждения выставлялись недостаточно организованно и планомерно. Зачастую оборонительные минные заграждения не столько обеспечивали оборону своих баз и побережья, сколько стесняли собственное мореплавание, а в ряде случаев даже послужили причиной гибели своих кораблей. Мина как активное оружие использовалась очень слабо. Систематические активные минные постановки осуществлялись только на Северном флоте, и притом только с подводных лодок и самолетов. Надводные корабли для активных минных постановок вообще не использовались, если не считать немногочисленных постановок с катеров на Краснознаменном Балтийском флоте.

По отдельным флотам использование минного оружия имело следующие недостатки [...]

ПРИКАЗЫВАЮ:

Военным советам СФ, КБФ и ЧФ решительными мерами ликвидировать выявленные в 1941 г. недостатки в использовании мин.

Минное оружие, при умелом и энергичном использовании его, является грозным оружием, могущим повлиять на исход боевых действий на театре. Наш флот в прошлых войнах был первым по умению и масштабам применения мин против врага. Этим славные традиции должны быть возрождены. В кампанию 1942 г. развернуть всеми имеемыми силами активную минную войну у баз противника и на его коммуникациях.

Штабам СФ, КБФ и ЧФ при планировании и подготовке минных операций обратить особое внимание на реальность составляемых планов и на отработку четкости боевого управления. Запретить составление планов операций в части расчетов по использованию оружия без участия соответствующих флагманских специалистов.

При проведении минных операций основное внимание направить на боевое обеспечение, навигационное обеспечение и обеспечение разведкой действующих в операции сил.

Вернуть минных специалистов, используемых не по своей специальности и действующих на сухопутных фронтах в частях, входящих в состав ВМФ, и укомплектовать ими в первую очередь тральщики и минные заградители.

Минно-торпедному управлению ВМФ:

1. Форсировать строительство, отработку и подачу на флоты нового минного оружия.

2. Снабдить существующие мины устройствами для самовзрывания при их заграждении и предусматривать наличие таких устройств у новых образцов.

3. К 15 мая 1942 г. дать указания на флоты об устройстве приспособлений для приема и постановки мин с катеров МО, торпедных катеров и с мелких плавучих средств.

* Не публикуется часть приказа, в которой речь идет о недостатках использования минного оружия по отдельным флотам.

4. Разослать на флоты все имеющиеся описания мин иностранных образцов и ускорить подачу на флоты недостающих описаний наших мин, находящихся на вооружении.

Управлению боевой подготовки ВМФ:

1. Запретить опыт постановки мин с торпедных катеров и катеров МО.
2. Совместно с МТУ пересмотреть в свете опыта войны положения и инструкции по использованию минного оружия.

Военно-морскому издательству:

Ускорить издание описаний новых образцов мин, положений и инструкций по использованию минного оружия.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза СССР
адмирал

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 121–123.

**№ 13. ДИРЕКТИВНОЕ УКАЗАНИЕ НАРКОМА ВМФ СССР
Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ
О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРАБЕЛЬНОЙ
АРТИЛЛЕРИИ***

№ 14631

22 апреля 1942 г.

Совершенно секретно

При выполнении кораблями Военно-Морского Флота огневого содействия флангам приморских армий в ходе войны выявился ряд недостатков, характерных для всех действующих флотов (КБФ, ЧФ, СФ) и, в частности, имевших место в операциях Черноморского флота.

В течение первых двух месяцев 1942 г. корабли Черноморского флота систематически выполняли задачи по огневому содействию войскам Крымского фронта в районе Керченского полуострова и Феодосии.

Организация выполнявшихся операций по огневому содействию отличалась отсутствием надлежащего взаимодействия кораблей флота с войсками и авиацией, ограничивалась примитивным выполнением заявок штаба Крымского фронта на обстрел в требуемый срок указанного населенного пункта, занятого противником, и в целом характеризовалась следующими основными недочетами:

1. Корабли флота обстреливали различные населенные пункты, в которых, по данным разведки, обнаруживались скопления войск противника, но согласование обстрелов с действиями войск на фронте из 15 случаев обстрела было достигнуто только в двух случаях.

2. В целях избежания потерь в корабельном составе от авиации противника в результате отсутствия взаимодействия со своей авиацией все стрельбы выполнялись в темное время суток, по площадям, без корректировки и с больших дистанций (90–100 каб.).

* Печатается по тексту, полученному ВС СФ.

3. Ни одной попытки провести стрельбу с корректировкой ее в светлое время суток или же в темное время с освещением цели авиацией, осветительными снарядами или прожекторами не предпринималось.

4. Авиация флота как самостоятельно, так и во взаимодействии с авиацией Крымского фронта мало привлекалась для нанесения совместных с кораблями ударов по объектам противника на берегу и для обеспечения действий кораблей огневой поддержки от воздушных атак противника.

5. Результаты стрельб в большинстве своем никому не известны, мало того, ими никто не интересовался, не говоря уже об изучении и анализе их.

Поэтому никакая эффективность стрельб кораблей при подобной неудовлетворительной организации огневого содействия не давала возможности использовать преимущества над противником корабельной артиллерии при фланкирующем положении позиции кораблей и приводила обычно к напрасному износу материальной части орудий и всех механизмов кораблей, выходявших в район обстрела из баз, удаленных на 100–170 миль.

П р е д л а г а ю :

1. Штабам флотов и флотилий добиться такой сработанности с армейскими штабами, при которой бы обеспечивалось целеустремленное использование корабельной артиллерии, связанное с решением армией наступательных или оборонительных задач.

2. При получении от вышестоящего командования задания на огневое содействие добиваться от штаба непосредственно поддерживаемого армейского соединения конкретизирования заявок на стрельбу, в которых ставились бы задачи на разрушение отдельных укреплений, ценных сооружений, на подавление батарей или уничтожение скоплений войск противника, а также указывалось бы уточненное и согласованное с действиями сухопутных войск время ведения огня.

3. Всеми мерами добиваться уточненного знания мест, указанных для обстрела целей, как получением данных, имеющихся у сухопутного командования, так и организацией специальной разведки с применением:

а) непосредственного наблюдения за целью (самолетами-разведчиками, наблюдательными постами); б) звукометрии; в) аэрофоторазведки; г) агентурной разведки; д) систематического нанесения собираемых данных (по опыту КБФ) на карту-планшет.

4. Всеми мерами добиваться корректирования результатов своего огня, применяя для этого: непосредственное наблюдение (корабля, самолета-разведчика, наблюдательного поста), аэрофотосъемку результатов стрельбы, агентурную разведку, данные смежных действующих армейских частей о тактических результатах огня.

5. Стрельбу каждого отдельного корабля, в особенности в светлое время суток, как и всякую другую операцию, обеспечивать достаточно сильным прикрытием с воздуха (по опыту артподдержки десанта и фланга армии на СФ в июле – августе 1941 г.), используя в отдельных случаях для стрельбы время перед наступлением темноты.

6. Организовать подавление авиации противника в районе действия кораблей огневой поддержки, добиваясь в случае необходимости привлечения для этих целей армейской авиации.

7. В случаях необходимости ведения ночной стрельбы обязательно обеспечивать точное знание мест стреляющего корабля путем обсервации.

8. Результаты всех стрельб изучать и анализировать.

Начальником Генерального штаба КА Маршалом Советского Союза Шапошниковым 20.04.42 г. даны следующие указания командующим войсками фронтов: Крымского, Южного, Дальневосточного, Ленинградского и Карельского:

1. При привлечении артиллерии кораблей флота использовать ее как артиллерию РГК, включая ее действия в общий план артиллерийского наступления или план обороны сухопутных войск.

2. Обязать старших артиллерийских начальников сухопутных войск своевременно обеспечивать артиллерийских начальников морской артиллерии всеми разведывательными данными о противнике, которые необходимы им для успешного выполнения задачи.

3. Прикрывать корабли с воздуха во время выполнения ими задач по огневому содействию сухопутным войскам.

4. Не допускать использования корабельной артиллерии по целям, которые могут подавляться и уничтожаться артиллерией сухопутных войск.

Артиллерию кораблей использовать главным образом для подавления, разрушения дальних объектов, поражения скоплений войск противника, по подходящим его резервам в тылу, т.е. для решения таких задач, которые не может выполнить артиллерия сухопутных войск.

Только при полной работанности морских и сухопутных штабов, при умении организовать взаимодействие флота с войсками, и особенно с авиацией, при гибкости и отсутствии шаблона огневое содействие кораблей флота сухопутным войскам будет успешным.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

Резолюция на первом листе: "Мы имеем порядочное количество недостатков, указанных в данной директиве. Дополнить к 15.05 предложение по всем мероприятиям, связанным с артиллерийским взаимодействием с частями 14-й армии. А. Головки. 07.05.42".

ЦВМА. Ф. 11. Д. 35505. Л. 89-93.

Подлинник на бланке наркома ВМФ СССР.

№ 14. ИЗ ПРИКАЗА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ СЕВЕРНОГО, БАЛТИЙСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТОВ ПО УЛУЧШЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОМИННОЙ ОБОРОНЫ

№ 00175

25 мая 1942 г.

Успешная борьба с минной опасностью на театре является одним из условий создания благоприятного и устойчивого оперативного режима в своей операционной зоне. Свобода пользования своими коммуникациями немислима без хорошо организованной противоминной обороны кораблей и районов моря, через которые проходят наши коммуникации. [...]

Основными недостатками противоминной обороны отдельно по флотам являются: [...]

ПРИКАЗЫВАЮ:

Военным советам КБФ, ЧФ и СФ на основе тщательного изучения опыта борьбы с минной опасностью принять самые энергичные меры к улучшению организации противоминной обороны. Не допускать позорных фактов гибели кораблей на

* Не публикуется часть приказа, в которой речь идет о недостатках противоминной обороны отдельно по флотам.

минах по причинам неорганизованности, неумения и халатного отношения к выполнению наставлений, инструкций и приказаний. В целях недопущения дальнейших потерь на минах на флотах провести следующие мероприятия:

1. Организовать точное наблюдение и своевременное оповещение о постановках мин противником с самолетов. Производить систематическое контрольное траление фарватеров и тральную разведку и аэрофоторазведку отдельных районов движения конвоев. Не допускать плавания кораблей в районах, засоренных минами противника, до определения точных границ заграждения.

2. В связи с постановкой противником на Балтийском театре заграждений большой плотности из разных образцов мин и защитников на различных углублениях, в том числе и против тральщиков, принять меры к широкому использованию катеров-тральщиков. Для пробития проходов в густо засоренных минами противника районах применять минопрорыватели⁷⁰, в месячный срок оборудовав из вспомогательных кораблей на КБФ два и на ЧФ один минопрорыватель.

3. Для облегчения работы тральщиков и в целях повышения их автономности соединения тральщиков, работающих в удалении от береговых баз, и в первую очередь катера-тральщики, обеспечить плавбазами и береговыми маневренными базами.

4. Усилить обеспечение конвоев боевыми кораблями. Прекратить имевшую место практику посылки конвоев в обеспечение одних катеров. Обеспечение конвоев в первую очередь должно предусматривать ПМО, ПЛО и ПВО транспортов. Военные советы и штабы флотов должны помнить, что задача обеспечения коммуникаций требует непрерывного внимания. Невнимательность и бессистемность в вопросе обеспечения коммуникаций немедленно же приведут к гибели транспортов с людьми и с ценнейшей боевой техникой.

5. Пересмотреть навигационное обеспечение плавания по фарватерам и в районах минных заграждений. Организовать манипуляторную службу так, чтобы исключить возможность потери места, особенно при плавании в стесненных условиях.

6. Проверить состояние связи на тральщиках. Организовать надежную связь с конвоями и внутри конвоев.

7. Обязать весь командный состав плавающих кораблей в кратчайший срок изучить "Наставление для боевой деятельности тралящих кораблей" издания 1941 г. Знание наставления проверить в месячный срок.

8. Изыскать возможности и организовать производство тралов и трального оборудования на флотах.

Минно-торпедному управлению ВМФ:

1. В кратчайший срок дать на флоты описание применяемых противником мин и защитников и способов борьбы с ними.

2. Ускорить подачу на флоты нового трального вооружения и оказать помощь флотам в организации ремонта и восстановления тралов на местах.

3. Учесть предложения сбора минеров КБФ и осуществить усовершенствование существующих тралов и тральных приспособлений.

Управлению боевой подготовки ВМФ:

На основе опыта войны за истекший период в месячный срок пересмотреть "Наставление для боевой деятельности тралящих кораблей" и, не переиздавая наставление, издать к нему дополнение, учтя предложения сбора минеров КБФ.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

№ 15. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ (О Ф.С. ОКТЯБРЬСКОМ)

В апреле 1943 г. на Черноморском флоте произошла смена командующих. Адмирал Ф.С. Октябрьский⁷¹ был переведен на другую работу, а вместо него был назначен вице-адмирал Л.А. Владимирский. Ровно год спустя Ф.С. Октябрьский был вновь назначен командующим Черноморским флотом, а Л.А. Владимирский освобожден и переведен на Балтийский флот.

Коль скоро меня нередко спрашивали о причинах перевода Ф.С. Октябрьского с Черноморского флота и возвращении его в следующем году снова на эту должность, я хочу подробнее и с максимальной объективностью рассказать о моих не совсем гладких взаимоотношениях с ним и причинах этих перемещений.

Ф.С. Октябрьского я знал довольно давно. В период моего командования Тихоокеанским флотом он командовал соединением торпедных катеров на ТОФе и затем был выдвинут на должность командующего Амурской флотилией. Когда летом 1939 г. после назначения вице-адмирала И.С. Юмашева командующим флотом на Дальнем Востоке потребовалось выдвинуть кандидатуру на Черноморский флот на должность командующего, я предложил контр-адмирала Ф.С. Октябрьского. Это не встретило возражений, и его назначение состоялось.

Бывая несколько раз в Севастополе и на учениях флота, у меня складывалось положительное мнение о новом командующем. Это был бесспорно энергичный адмирал, работавший, не жалея сил, и имевший партийный подход к делу. До этого он никогда не командовал крупными кораблями или соединениями больших надводных кораблей. Для Черноморского флота, крупного по составу, это имело значение. Об этом при назначении Ф.С. Октябрьского мне докладывали кадровики, но я лично большого значения этому не придавал.

Отразив первый налет вражеских самолетов на рассвете 22 июня 1941 г., флот получил возможность в сравнительно спокойной обстановке закончить развертывание и подготовиться к ведению боевых операций.

Военный совет флота (Ф.С. Октябрьский, Н.М. Кулаков и назначенный в первые месяцы войны И.И. Азаров) представлял хороший коллектив и успешно выполнял директивы Ставки ВГК в трудные дни обороны Одессы, а затем и Севастополя. Для оказания помощи командованию флотом осенью 1941 г. на флот командировались мои заместители И.В. Рогов и Г.И. Левченко.

Отдельные шероховатости во взаимоотношениях и отсутствие единства взглядов в критические моменты обороны Севастополя, допустим по использованию крупных кораблей для обороны Главной базы, я считал неизбежными и не придавал этому сколько-нибудь большого значения. Даже разногласие по вопросу о том, где находится командующему – в Севастополе или на Кавказе, на чем настаивал комфлот, было разрешено Ставкой, и приведенная в своем месте директива от 7 ноября 1941 г., подготовленная мною совместно с начальником Генштаба маршалом Б.М. Шапошниковым, внесла ясность. Ф.С. Октябрьский был назначен командующим Севастопольским оборонительным районом (СОР) и со всей энергией старался выполнить ответственное поручение.

Запомнился один эпизод, относившийся к этому времени. Когда в самом конце октября 1941 г. я по поручению Ставки находился в Архангельске, занимаясь делами конвоев, мне позвонил адмирал Л.М. Галлер и передал, что Генштаб и Ставка интересуются, почему командующий флотом не в Севастополе. Приказание было отдано, и 2 ноября Ф.С. Октябрьский вернулся в Севастополь и, получив директиву Ставки, 10 ноября вступил в командование СОР. После этого Военсовет флота и

лично Ф.С. Октябрьский приложили много сил, чтобы отразить ноябрьский и декабрьский штурмы немецкой армии Манштейна.

Серьезные разногласия с командующим флотом у меня были весной 1942 г. Мне и начальнику ГМШ к тому времени становилось очевидным, что новые условия на морском театре – с оживленными морскими коммуникациями из кавказских портов в Севастополь и Керчь и необходимостью вести более активную работу с увеличившимся к тому времени флотом противника – настоятельно требовали нахождения Военсовета флота со своим ФКП там, откуда действует весь флот, т.е. на Кавказском побережье. К тому же Ставка и Генштаб настоятельно требовали более надежного обеспечения транспортов в море в условиях особой активизации авиации немцев.

На мой первый устный доклад и предложение о переносе КП флота Сталин определенного ответа не дал, а когда в апреле 1942 г. я повторил свой доклад и назвал даже кандидата на должность командующего СОР (генерала С.И. Кабанова), то, вылетая 23 апреля 1942 г. вместе с маршалом С.М. Буденным в Краснодар, я попутно получил указание переговорить по этому поводу с Ф.С. Октябрьским. Прибывший туда Октябрьский в присутствии С.М. Буденного попросил разрешения подумать, а дня через два дал отрицательный ответ. Я, конечно, не мог знать, как сложатся события дальше, но отрицательный ответ командующего, к тому же посланный прямо в адрес Верховного, заставил сохранить прежнюю организацию.

Я был удивлен, помня, как упрямо он настаивал на переносе своего ФКП на Кавказ, когда обстановка требовала пребывания Военсовета флота в Севастополе и непосредственного руководства обороной. Теперь же, когда ожидалось наступление из Севастополя на Симферополь*, что лучше всего мог сделать сухопутный начальник, такой, как генерал И.Е. Петров, Ф.С. Октябрьский категорически и, я бы сказал, с обидой высказался за оставление его в Севастополе. Вскоре это отозвалось, когда в конце 1942 г. пришлось оставлять Севастополь, а Военсовету вылететь на Кавказ.

Мое предложение иметь специального командующего СОР, конечно, делалось не в предвидении скорого наступления армии Манштейна на Керчь, а затем и на Севастополь. Если я считал резонным возложить командование СОР на Военсовет флота в критические дни осени 1941 г., то теперь я был удивлен возражениями Ф.С. Октябрьского, который направил телеграмму в Ставку. Я узнал об этом позднее.

Так или иначе, вернувшись в Москву 10 или 11 мая 1942 г., когда развернулись сражения за Крым, я уже не поднимал этого вопроса: это следовало делать раньше.

Уклоняясь немного в сторону, я и теперь очень сожалею, что мне не удалось убедить Сталина в принятии моих предложений. Реорганизация командования СОР в марте еще могла по-иному провести оборону Севастополя в самые последние дни борьбы и эвакуацию большего числа людей.

Я веду этот разговор потому, что вынужденная поспешная эвакуация из Севастополя явилась одной из причин последующего (почти через год) перевода Ф.С. Октябрьского на другую работу.

Дело было так. Во второй половине июня 1942 г., когда шли непрерывные бои за Севастополь, шансов удержать Севастополь с каждым днем оставалось меньше. Верховное Главнокомандование и Наркомат ВМФ внимательно следили за боями, но враг медленно сжимал кольцо вокруг города. 29 июня Ф.С. Октябрьский дал телеграмму в мой адрес с просьбой разрешить ему с группой руководящих работников покинуть Севастополь, "оставив за себя генерала И.Е. Петрова". Тогда уже не время было вспоминать о своих предложениях на этот счет и возражении Октябрьского. Представляя сложность положения, я тотчас же приказал ответить, что "согласен и буду ходатайствовать об этом перед Верховным Главнокомандующим".

* Так у автора.

Эта телеграмма посылалась спешно для того, чтобы сориентировать командование флота и дать возможность подготовиться в ожидании согласия Ставки. Такое согласие через несколько часов я получил лично от Сталина и на основании его дал решение Военсовету флота "оставить Севастополь", полагая, что там будет продолжаться борьбу генерал И.Е. Петров, как писал командующий флотом.

На самом же деле в последний момент было принято решение генералу Петрову также эвакуироваться.

Когда на следующий день Ставка узнала, что из Севастополя отбыли Ф.С. Октябрьский и И.Е. Петров, то Сталин был крайне недоволен. "Вы же мне говорили, что там остается Петров. За это придется кого-то из вас наказать", – сказал он сердито, и мне ничего не оставалось, как по телефону зачитать текст телеграммы Октябрьского.

Это мне потом не раз напоминал Сталин. Он был недоволен нашими действиями в последние дни обороны Севастополя, и особенно эвакуацией, которую признать успешной действительно было нельзя. Наступило затишье. Героическая оборона Севастополя по достоинству была оценена, несмотря на отдельные промахи.

В апреле 1943 г. мне, вызванному в Ставку в связи с намечавшимися операциями на Таманском полуострове, неожиданно был задан вопрос, не считаю ли я нужным заменить командующего флотом. До сих пор неизвестно, чем это было вызвано, но я, не поднимая этого вопроса, ответил, что не возражаю. Признаться, наши отношения с Ф.С. Октябрьским к этому времени были натянутыми.

23 апреля Ф.С. Октябрьский был освобожден и назначен командовать Амурской флотилией. Вместо него по моему предложению был назначен вице-адмирал Л.А. Владимирский. Это был опытный моряк, много командовавший кораблями и соединениями как в мирное время, так и в ходе войны. Но ему не повезло. В октябре 1943 г. на флоте погибли три корабля, пораженные немецкими бомбами, о чем я пишу в своем месте. Во время наступления Черноморской группы войск во главе с генералом И.Е. Петровым у Л.А. Владимирского возникли трения. Сталин остался им недоволен. Вызванный в Ставку, я получил приказ заменить Л.А. Владимирского. "Очевидно, мы неправильно сняли Октябрьского", – сказал Сталин и, не спрашивая моего мнения, приказал вернуть его на "старое место".

Возвращенный по прямому приказу Сталина, Ф.С. Октябрьский имел все основания думать, что в его снятии повинен нарком ВМФ, и стал бравировать этим. Он явно торжествовал, когда в 1947 г. я был снят с работы. Его назначили заместителем наркома ВМФ, но он был, уже без всякого моего влияния, освобожден.

Это был довольно своеобразный адмирал со многими положительными качествами и одновременно недостаточно правильно решавший некоторые вопросы. Он имел обыкновение слишком возомнить [о себе], когда дело у него шло хорошо, и критиковать своих подчиненных, если случались неудачи.

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

№ 16. ИЗ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАРКОМА ВМФ СССР АДМИРАЛА Н.Г. КУЗНЕЦОВА НА СБОРЕ КОМАНДИРОВ СОЕДИНЕНИЙ И НАЧАЛЬНИКОВ ОТДЕЛОВ ШТАБА И УЧРЕЖДЕНИЙ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

19 декабря 1942 г.

Я собрал здесь вас для сообщения ряда положений, относящихся к Северному флоту. Здесь собраны все руководящие товарищи, поэтому я буду говорить без прикрас, без агитки, что иногда у нас имеет место, а все так, как оно есть на самом деле. [...]

4. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ:

а) направление БП до войны было правильным, и война в этом не внесла больших коррективов. Условностей в мирное время надо было иметь еще меньше, чем имели. Сложности в тренировках надо было допускать больше. Чересчур боялись аварий, и сейчас ясно, что лучше было бы иметь аварии в мирное время, чем иметь их сейчас и не уметь, кроме того, с ними бороться;

б) самым крупным недостатком в БП надо признать недостаточную, слабую подготовку начсостава.

Когда я говорю о недостаточной подготовке начсостава, то обычно некоторые командиры на меня обижаются за такую оценку. Значит ли, что наш начсостав плохой? Это вовсе не означает этого. Это значит лишь только то, что наш рядовой состав и младшие командиры требуют иметь начсостав с более высокой подготовкой. У нас на флотах очень редки случаи, когда подводил нас рядовой и младший начсостав, таких фактов почти нет, и, наоборот, по нашей с вами неразворотливости и неподготовленности были большие недоразумения, например:

1. М[иноносец] "Смышленный" после хорошего выполнения боевой задачи командиром корабля был заведен на минное поле, где подорвался со всем экипажем.

2. Крейсер "Червона Украина" стоит на якоре, производится ремонт. Личный состав готов сделать все, что угодно, для его окончания. Ежедневные налеты авиации; авиация атакует один раз, второй, третий и, наконец, на шестой раз топит крейсер. Почему это могло получиться? Никто не дал приказа перевести крейсер на новую якорную стоянку после обнаружения его самолетами. Ни краснофлотец-рулевой, ни машинист, никто, конечно, из рядового состава не мог дать приказание об отводе крейсера. Отдать это приказание было нашим делом – делом руководящего начсостава.

3. Операция на [о-ве] Соммерсе – моряки идут на что угодно, но операция настолько плохо организуется, что не имела успеха и обошлась тяжелыми потерями в личном составе. Кто здесь виноват? Наш брат, большие командиры.

4. Наконец, на СФ м[иноносец] "Сокрушительный"⁷² – личный состав хорошо выполнял обязанности. Кто сбежал с корабля первым? – Командир миноносца; кто ранил себя? – Командир БЧ-2.

Возьмем нашего командира миноносца и сравним с командиром миноносца флота любой страны или сравним нашего командира батареи с командиром батареи другой страны – наши командиры стоят выше, но я не удовлетворен этим. Почему? Потому что наш рядовой состав настолько высоко подготовлен, что он требует более высокого руководства. Возьмем другой пример – наш старый флот. Рядовой солдат, матрос из деревни были малограмотны, мало разбирались в чем-либо. В то же время офицер учился, имел большее образование, и поэтому в его артподготовке (как бы он ни был недоразвит) и солдата наблюдалась большая разница. Что же у нас? Оба одноклассника учатся вместе, вместе кончают десятилетку, один идет в ВМУ, другой – с десятилеткой – в учебный отряд. Боец с десятилетним образованием, окончивший УО, во всех вопросах хорошо разбирается, поэтому бывший его одноклассник-командир должен быть выше его подготовленным, и этого надо добиваться. [...]

III. ПО ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ВОПРОСАМ.

1. Мы провели ряд оргмероприятий, подтвердивших их целесообразность, – это такие, как: организация тыла, организация ОВР, организация ПВО, организация эскадры. В ОВР ранее было ничтожное количество кораблей. Сейчас кораблей там много, и во главе ОВРов стоят большие командиры, и занимаются ОВРы серьезными делами. Тем не менее многие организационные вопросы к началу войны оказались неотработанными. Многие положения остались на бумаге, в жизнь не были

проведены и остались неотработанными. Организационные вопросы, тесно связанные с вопросами боевого управления, являются тормозом во всей деятельности флота и на сегодняшний день.

2. Силы есть, главным недостатком в организации является неумение организовать удары, неумение организовать взаимодействие и управление частями. Плохо были отработаны штабы, те самые штабы, которые должны были командиру соединения подготовить и провести выполнение боевых задач, организовать все действующие в операции силы. В порядке заключения по этому вопросу надо сказать, что штабы еще не умеют организовать силы и послать их в бой, что и является сейчас самым слабым местом. [...]

Запись произвел капитан 2-го ранга ИВАНОВ Г. /подпись/

ЦВМА. Ф. 11. Д. 35505. Л. 237–247. Подлинник.

№ 17. ИЗ ПРИКАЗА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ СЕВЕРНОГО, БАЛТИЙСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТОВ ОБ ИТОГАХ БОЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДЛОДОК ВМФ ЗА ПОЛТОРА ГОДА ВОЙНЫ И ЗАДАЧАХ НА 1943 г.

№ 0050

7 февраля 1943 г.

[I.]В результате боевой деятельности за полтора года войны подводные лодки воюющих флотов ВМФ нанесли противнику следующие потери:

– утоплено – 189 транспортов, 5 эсминцев, 10 сторожевых кораблей, 7 подлодок, 1 канлодка и более 20 мелких и вспомогательных судов противника общим водоизмещением свыше 1,3 млн т;

– повреждено – 1 линкор, 2 тральщика и 10 транспортов.

В результате боевых действий подводные лодки воюющих флотов ВМФ:

а) нанесением больших потерь противнику на море подорвали его военную и экономическую силу, чем оказали существенное влияние на ход боевых действий на сухопутном фронте;

б) заставили противника выделить значительные силы охранения своих коммуникаций и втянуть их в большое напряжение.

Боевая деятельность воюющих флотов ВМФ за полтора года войны дает большой опыт в части оперативно-тактического использования подводных лодок, позволяющий сделать необходимые практические выводы и определить дальнейшие задачи.

Подводные лодки Северного флота, успешно действуя на коммуникациях противника в период с 22 июня 1941 по 22 июня 1942 г., утопили 102, а всего за полтора года – 113 боевых кораблей и транспортов противника, этим самым они нанесли большие потери в перевозках войск и снабжения противника к сухопутному фронту, оказав значительную поддержку войскам Красной Армии, действующим на северном участке фронта.

Подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота при особо сложных условиях боевой деятельности в кампанию 1942 г. потоплением 63 транспортов и боевых кораблей противника в значительной степени нарушили перевозки противника в Балтийском море и Финском заливе.

Подводные лодки Черноморского флота за полтора года войны:

а) потопили 46 судов противника общим водоизмещением свыше 160 тыс. т, чем создали реальную угрозу коммуникациям противника, значительно сократив судоходство и стеснив плавание его кораблей у своего побережья;

б) накопили большой и ценный для всех флотов опыт перевозки грузов, боезапаса и горючего для осажденных войск в самый тяжелый период обороны Севастополя, когда по условиям обстановки доставка боевого снабжения войскам была возложена на подводные лодки.

За период с 15 мая по 2 июля 1942 г. подлодки ЧФ доставили в Севастополь около 4000 т боезапаса, бензина, продовольствия и вывезли оттуда 1303 раненых.

Таким образом, самоотверженная работа подводников ЧФ по перевозке грузов в осажденный Севастополь способствовала стойкости его героических защитников. [...]

II. В ходе войны в части оперативно-тактического использования подводных лодок флотов достигнуты следующие положительные результаты:

1. Правильное целеустремление ударов подлодок, действовавших на главных направлениях коммуникаций противника на КБФ, СФ и отчасти ЧФ, позволяло наносить противнику значительный ущерб в наиболее уязвимых узлах его коммуникаций.

2. Успешное выполнение подлодками задач по разведке, дозору, высадке разведывательно-диверсионных групп на побережье противника, по гидрографическому обеспечению операций и перевозке грузов снабжения в условиях активного противодействия противника дало богатый опыт воюющим флотам в области разностороннего использования подлодок в боевой деятельности флотов.

3. В ходе боевых действий освоен ряд новых тактических приемов использования оружия, повысивших в целом успешность торпедных атак противника подводными лодками:

а) принятый новый метод торпедной стрельбы (последовательный выпуск торпед с временными интервалами) значительно повысил успешность торпедных атак в среднем по воюющим флотам с 41 до 80%. Успешность торпедных атак подводных лодок Северного флота, полностью освоивших и применяющих стрельбу новым методом, достигла 98% в 1942 г.;

б) использование шумопеленгаторов при поиске противника и для маневрирования при выходе в торпедную атаку в условиях плохой видимости значительно повысило возможность производства подлодками атак кораблей противника;

в) использование системы беспузырной торпедной стрельбы (БТС) способствовало скрытности и внезапности атаки.

4. Значительно повысились боевой опыт и инициатива командиров подлодок, что особо подтверждается успешными действиями подводников КБФ в 1942 г. по форсированию подлодками противолодочных преград, минных заграждений, проявленной ими активностью и настойчивостью в поиске и уничтожении неприятельских кораблей в море.

III. Наряду с достигнутыми положительными результатами в боевой деятельности подлодок имеет место еще ряд существенных недостатков. Основными и общими для воюющих флотов недостатками являются:

1) Отсутствие взаимодействия подводных лодок с надводными кораблями и особенно с авиацией, чем значительно снижается боевой успех их деятельности на коммуникациях противника.

2) Однообразный, независимо от изменения обстановки, метод использования подводных лодок на коммуникациях в виде крейсерства одиночных лодок в ограниченных районах, позволявший противнику выявлять его и принимать меры к снижению успешности действий наших подлодок. Штабы флотов и командование

соединений не стремились изыскать более эффективные для конкретной обстановки методы использования подлодок на коммуникациях противника.

3) Управление подводными лодками, находящимися в море, носило эпизодический характер. Положительные примеры управления лодками путем наведения их на противника передачей по радио разведывательных данных о движении неприятельских кораблей (на КБФ – наведение Щ-323 на корабли противника, прикрывавшие высадку десанта на о-в Даго в октябре 1941 г., и на СФ – наведение подлодки Д-3 27 февраля 1942 г. и М-176 9 апреля 1942 г. на корабли противника, вышедшие из Киркенеса) штабами флотов не были закреплены и развиты.

Пути движения подводных лодок, находящихся в море, не корректировались на основе опыта переходов других лодок. Маневрирование позициями подводных лодок на основе выявленной интенсивности движения неприятельских кораблей в том или ином районе, за редким исключением, не практиковалось.

4) Использование радиосвязи подводными лодками в море все еще остается неудовлетворительным. Нередки случаи передачи командирами лодок радиogramм с моря, не вызываемых обстановкой и рассекречивающих их позиции (донесение 19 октября 1942 г. ПЛ Л-23 ЧФ о причинах слабой связи 13 октября 1942 г.), и, наоборот, часто отсутствуют донесения командиров лодок о движении атакованных ими конвоев противника, чем устраняется возможность своевременного наведения на противника соседних лодок или других сил флота.

5) Отсутствие в 1942 г. на КБФ организованных операций надводных сил и авиации по обеспечению форсирования подлодками противолодочных рубежей противника предварительным подавлением его сил ПЛО ударами авиации и надводных сил флота в Финском заливе. Преодоление противолодочных рубежей противника подлодки КБФ выполняли самостоятельно.

6) Неудовлетворительная организация на КБФ встреч возвращавшихся с моря подлодок, позволявшая противнику вскрыть систему встреч и организовать противодействие.

7) Явно недостаточная работа штабов флотов и бригад по обеспечению подводных лодок разведкой как предварительно, так и в процессе их операций на коммуникациях противника.

8) Медленное освоение нового метода торпедной стрельбы подлодками КБФ и ЧФ, часть из которых все еще продолжают стрелять одиночными торпедами или залпами без временных интервалов, результатом чего является отставание успешности стрельбы подлодок этих флотов от успешности стрельб подлодок СФ (ЧФ–75%, КБФ–69%, СФ–98%).

9) Недооценка, а в ряде случаев пренебрежение к использованию подлодок для постановки мин, о чем свидетельствует недопустимо малое количество выставленных мин у побережья противника с подлодок в истекшем году. Только этим можно объяснить:

а) снижение количества выставленных мин в среднем на 1 подлодку-заградитель: по СФ – с 49 в 1941 г. до 34 в 1942 г. и по ЧФ – с 87 в 1941 г. до 49 в 1942 г.;

б) отсутствие активных минных постановок подлодок-заградителей ЧФ в период первого полугодия 1942 г.

Наглядным подтверждением недооценки эффективности минного оружия подлодок является использование на ЧФ трех подлодок-заградителей в течение января – февраля 1942 г. для артиллерийского обстрела автомашин противника, двигавшихся по дорогам южного побережья Крыма.

10) Недостаточное использование 100-мм артиллерии подводных лодок против одиночных транспортов противника, следующих без охранения. Отсутствие стрем-

ления у некоторых командиров подлодок топить транспорты противника артогнем в условиях, когда этому способствует обстановка, и при невозможности использовать торпеды.

11) Несмотря на достигнутые успехи и накопленный боевой опыт подводных лодок Северного флота в 1941 г. и в первой половине 1942 г., при той же интенсивности морских перевозок противника, результат их боевых действий во второй половине 1942 г. резко снизился.

Понижение требовательности со стороны Военного совета СФ, приведшее к успокоенности на достигнутых успехах подлодок в течение первого года войны, а также чрезмерная централизация управления лодками в руках командования и штаба СФ понизили ответственность за боевое использование подлодок у командования и штаба БПЛ, что, в свою очередь, привело к резкому падению инициативы и настойчивости командиров лодок в поиске и уничтожении кораблей противника в море во второй половине 1942 г.

Это обстоятельство явилось одной из основных причин уменьшения числа потопленных лодками СФ кораблей противника в море до 11 во второй половине 1942 г. против 44 в 1941 г. и 58 в первой половине 1942 г.

12) Все еще недостаточны тактическая подготовка, активность и настойчивость многих командиров подлодок в поиске и уничтожении кораблей противника в море, характеризующиеся:

а) неумением правильно оценить обстановку, использовать разведанные и принять грамотное решение;

б) стремлением отдельных командиров держаться вдали от вероятных путей движения кораблей противника, ожидать его уходом на глубину или покладкой на грунт на продолжительный срок, когда это не вызывается обстановкой (СФ – С-101, ЧФ – М-111, М-62, А-2);

в) переоценкой в сторону преувеличения сил и средств ПЛО и мин противника, излишней осторожностью, приводившей в ряде случаев к отказам от активных действий и уклонению уходом на глубину без выяснения действительной обстановки и возможного противодействия противника;

г) срывами атак вследствие несвоевременного обнаружения противника и невыполнения "Наставления по боевой деятельности подводных лодок" в части использования перископа для осмотра горизонта подъемом его через 15–30 минут вместо требуемых наставлением 5–6 мин;

д) редкими случаями повторных атак вследствие отсутствия наблюдения за результатом первой атаки и уходом на глубину сразу же после нее даже в тех случаях, когда подлодка не подвергается преследованию и противник такого организовать не может;

е) срывами атак вследствие неудовлетворительного управления маневрами подлодки при выходе в атаку, неготовности оружия и механизмов по причине низкого уровня боевой организации;

ж) редкими случаями поиска и атак подлодками кораблей противника в ночных условиях и при плохой видимости.

13) Слабая штурманская подготовка некоторых подводных лодок и низкая организация боевой службы на них, приводившие к потерям места в море (С-101 СФ), нахождению подлодки вне позиции (Щ-404 СФ), навигационным авариям (Л-6 ЧФ) и катастрофам по вине электромеханической части (Щ-402 СФ).

14) Недостаточное внимание военных советов, штабов флотов и командования соединений подлодок СФ и ЧФ к темпам, качеству ремонта подводных лодок и подготовки их личного состава к боевым действиям, что явилось одной из причин

низкого коэффициента оперативного напряжения подлодок на СФ и ЧФ во второй половине 1942 г.

15) Опыт боевой деятельности подводных лодок на флотах обобщается недостаточно, практические выводы и уроки из боевых походов, за редким исключением, не закрепляются, допущенные ошибки командирами лодок часто повторяются.

Полученный подводными лодками КБФ и ЧФ большой опыт преодоления минных заграждений и противолодочных рубежей не обобщен, не выявлены наиболее выгодные способы форсирования лодками опасных районов в отношении мин, что является одной из причин имевших место повреждений, а иногда и потерь лодок на минах противника.

Требуемые моим приказом № 00304 1942 г.* отчеты военных советов о боевой деятельности подводных лодок представляются с большим опозданием против установленных сроков; кроме этого качество отчетов, представляемых Военным советом ЧФ, продолжает оставаться неудовлетворительным.

В целях устранения изложенных недостатков в боевом использовании подводных лодок п р и к а з ы в а ю:

Военным советам Северного, Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов:

1. В основу оперативно-тактического использования подводных лодок флотов на 1943 г. положить самостоятельные и совместно с воздушными и надводными силами действия подводных лодок против неприятельских коммуникаций в море, в районах его побережья и баз.

2. Наряду с использованием подводных лодок методом крейсера одиночных лодок в ограниченных районах практиковать, когда это рационально по обстановке:

– последовательное движение лодок вдоль коммуникаций противника;

– взаимодействие соседних лодок между собой;

– посылку двух подлодок в районы с оживленным движением кораблей противника для действий одной лодки днем, другой – ночью, а при слабой местной противолодочной обороне района – для одновременного действия обеих лодок днем с целью дать возможность второй лодке атаковать противника, отвлеченного преследованием первой атаковавшей лодки.

В этих случаях разграничить лодок до обнаружения ими противника устанавливать выявленную разведкой трассу движения кораблей противника (например, одна лодка в пределах 6 миль от берега, вторая – мористее).

3. Решительно улучшить разведку в районах коммуникаций противника, его баз и на переходах подлодок к позициям, вплоть до организации специальных разведывательных операций, установив обязательным правилом предварительное обеспечение выходящих в море подлодок достоверными данными о противнике.

4. Военному совету КБФ извлечь практические выводы из опыта использования подводных лодок в кампанию 1942 г., организовывать в будущем надежное обеспечение выходов подлодок на позиции и возвращения их в базу путем проведения специальных операций по нанесению ударов противолодочным силам противника надводными кораблями и авиацией как предварительно, так и в процессе преодоления лодками узкостей и преград, охраняемых противником.

Пересмотреть существовавшую в 1942 г. систему встреч подлодок при их возвращении с моря, исключив в будущем возможность дискредитации ее противником и случаи продолжительного пребывания никем не охраняемых подлодок в районах встреч со своим эскортом.

* Приказ о результатах обобщения и реализации боевого опыта воюющих флотов и флотилий ВМФ от 24 августа 1942 г.

5. Добиться настойчивых и активных действий командиров подлодок по поиску и уничтожению кораблей противника в море. Обеспечить полное освоение и применение командирами подводных лодок стрельбы с последовательным выпуском торпед с временными интервалами.

6. Решительно повысить применение 100-мм артиллерии подлодок по неохраемым транспортам противника, а также использование подводных заградителей для постановки мин в узлах коммуникаций противника и в районах его баз.

Запретить использование подлодок-заградителей для всех иных задач, не связанных с минными постановками, торпедными атаками кораблей противника и требуемой по обстановке транспортировкой грузов. При этом практиковать наблюдение лодок за результатами подрывов кораблей противника на выставленных минах с задачей уничтожения подорванных кораблей торпедами подлодок, находящихся на позициях в районах постановок.

7. Особое внимание обратить на дальнейшее повышение оперативно-тактической подготовки командиров подлодок и автоматически четкую организацию боевой службы на лодках.

Готовить смелых, активных и настойчивых командиров, способных самостоятельно разобраться в сложной обстановке и принять правильное, отвечающее поставленной боевой задаче решение.

Командному составу оперативных отделов и отделов боевой подготовки штабов флотов, а также командирам соединений, штабов и командному составу подлодок изучить издаваемое Наставление по боевой деятельности подводных лодок 1942 г. (НПЛ-42). Результаты изучения Наставления командирами подлодок проверить организацией зачетов по соединениям к 1 апреля 1943 г.

8. Старательно накапливать боевой опыт подводных лодок, учить командиров подлодок на практических примерах боевого опыта. На служебных совещаниях и командирской учебе подводников тщательно разбирать все действия подводной лодки после каждого ее возвращения с боевого задания. Анализировать тактические приемы, разбирать все ошибки и недостатки в организации, делать достоянием всех подводников флота грамотные и активные действия командиров.

Положительные выводы из боевого опыта немедленно внедрить в боевую и повседневную деятельность подлодок.

Предусмотренные моим приказом № 00304 от 24 августа 1942 г.* и циркуляром начальника ГМШ № 2 от 18 сентября 1942 г. отчеты о боевой деятельности подводных лодок вместо начальника Управления боевой подготовки ВМФ впредь высылать начальнику Управления подводного плавания ВМФ.

9. Улучшить управление подлодками в операциях.

Путем совершенно четкой постановки задач на инструктажах командирам подлодок и при минимальном количестве боевых документов, вручаемых им перед выходами в операции, добиться отчетливого уяснения командирами своих задач, грамотного и инициативного их выполнения.

Добиться грамотного использования гибкой и непрерывной радиосвязи с подлодками на позициях, обеспечивающей необходимую скрытность их пребывания в районах, возможность наведения лодок на противника и получение от них разведанных о движении кораблей противника.

10. Усилить контроль за сроками и качеством ремонта подводных лодок, а также за совершенствованием боевой выучки их личного состава.

Начальнику Управления подводного плавания ВМФ:

* Приказ о результатах обобщения и реализации боевого опыта воюющих флотов и флотилий ВМФ от 24 августа 1942 г.

1. На основе полученного боевого опыта подводных лодок ВМФ и поставленных в настоящем приказе задач организовать проверку и откорректирование флотских тактических наставлений по использованию подводных лодок и по взаимодействию их с другими силами флота.

2. Проверять выполнение задач, поставленных в настоящем приказе, при инспектированиях, а также по получаемым с флотов донесениям и отчетам о боевой деятельности подводных лодок.

Приказ изучить в штабах флотов и командному составу подводных лодок ВМФ.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 224–230.

№ 18. Л.Л. ПОКРОВСКАЯ. ГЛАЗАМИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

[1978 г.]

[...] Великая Отечественная война застала меня в Ленинграде. В сентябре 1941 г. я была зачислена в кадры Вооруженных Сил и работала военным переводчиком 6-го отдела Политуправления Ленфронта. Базировались мы в ту пору на Смольный, где было светло и тепло. Однажды, поздней ночью, – а мы обычно работали до 2–3 часов ночи – я решила написать из блокадного города письмо Николаю Герасимовичу, воспользовавшись удобной оказией. Я описала февральскую стужу блокадного города, непрекращающуюся деятельность в здании Смольного, свою интересную и очень трудную работу, озорно и с юмором обрисовала свою военную форму и военную выправку. Прошло два месяца, я уже была откомандирована в РО КБФ*, как вдруг мне звонят и сообщают, что мне надлежит явиться к комфлота адмиралу В.Ф. Трибуцу, который вручит мне письмо от Николая Герасимовича, написанное в ответ на мое послание от февраля 1942 г. Разве не трогательно, что крупный государственный деятель, отягощенный тревогами и заботами о своем детище – Военно-Морском Флоте, находит время и возможность вспомнить о рядовом работнике, старается хоть чем-то облегчить его жизнь в голодном и холодном блокадном Ленинграде? Причем с моей стороны не было даже малейшего намека на какие бы то ни было трудности жизни на Малой земле. В июле 1942 г. был получен приказ о моем откомандировании в Главное разведывательное управление в Москве.

Довелось мне видеть Николая Герасимовича, окруженного военными моряками высоких рангов, во время празднования Дня Военно-Морского Флота в Потсдаме и проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Берлинской конференции. За столом царил настрой непринужденности, приподнятости и искреннего пиетета в отношении Кузнецова, поднявшего первые тосты, которые полагались по протоколу, и не забывшего упомянуть о двух присутствовавших женщинах – машинистке Екатерине и обо мне, переводчице. Во время обеда Николая Герасимовича вызвали в правительство. Он немедленно поднялся и, извинившись, просил продолжить без него. Ушел из-за стола рачительный хозяин, и у всех снилось настроение. Очень скоро все разошлись.

Николай Герасимович был очень справедливым, доброжелательным, отзывчивым и внимательным к людям человеком. Прослужив 20 лет на флоте, я никогда и

* РО КБФ – разведывательный отдел КБФ.

ни от одного моряка или сталкивавшегося с Кузнецовым человека не слышала дурного слова о нем. Наоборот, самые восторженные отзывы о нем как о начальнике и как человеке, который был справедливым, с готовностью выручал людей в тяжелые годы и всегда щедрой душой помогал чем мог. Я же лично до конца своей жизни буду помнить, как Николай Герасимович помог мне эвакуировать дочь, которая оказалась в тяжелой обстановке у чужих людей. Будучи уже в отставке, он благодаря исключительному авторитету среди моряков помог устроить моего внука в Нахимовское училище, отстоял меня лично, когда мне угрожало увольнение из состава флота в связи с всеобщим сокращением Вооруженных Сил, а у меня еще не было выслуги лет. Вот таким я всегда знала и буду помнить дона Николаса, Николая Герасимовича Кузнецова. [...]

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

**№ 19. ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ АДРЕС НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА*
АКАДЕМИКУ АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ КРЫЛОВУ**

[Ранее 16 августа 1943 г.]

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

В день Вашего восьмидесятилетия приношу Вам от личного состава Военно-Морского Флота и лично от себя сердечные поздравления и лучшие пожелания. День Вашего юбилея совпадает с шестидесятилетием исключительно плодотворной и ценной для отечественного флота Вашей научной и практической деятельности.

В дни Великой Отечественной войны, когда наш доблестный Военно-Морской Флот вместе с героической Красной Армией напрягает все свои силы в борьбе с иноземными захватчиками, советские моряки и кораблестроители прекрасно помнят, что они своими многочисленными боевыми и производственными успехами во многом обязаны Вам, Алексею Николаевич, отцу русской научной школы кораблестроения. Ваши выдающиеся работы и исследования в области теории и строительной механики корабля, теории и практики артиллерийской стрельбы, теории гироскопов и успокоителей качки и ряд других работ в области кораблестроения сыграли исключительно большую роль в воспитании целых поколений культурных и высококвалифицированных морских офицеров и тем самым способствовали повышению качеств наших боевых кораблей и боевым успехам нашего Военно-Морского Флота.

Ваши многочисленные труды в области физико-математических наук принесли всеобщую известность Вам, как глубокому теоретику, обладающему одновременно необычайной способностью практического использования результатов чисто теоретических исследований, что нам, морякам, хорошо известно на примерах приложения математики к практическим вопросам кораблестроения.

Ваши лекции и долготелая плодотворная педагогическая деятельность в Военно-морской академии заслужили Вам любовь и уважение слушателей и создали замечательную плеяду Ваших учеников и последователей. Особенно отмечаю Ваше активное и непосредственное участие в проектировании и постройке кораблей Оте-

* По поручению наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова адрес был вручен академику А.Н. Крылову в день его чествования по случаю 80-летия со дня рождения в президиуме Академии наук СССР в Москве.

чественного флота, которое дало нам лучшие образцы судостроительной техники. Мы, моряки, гордимся тем, что Ваши труды снискали Вам мировую славу.

Ваши заслуги перед Родиной были недавно отмечены Правительством Советского Союза присуждением Вам звания Героя Социалистического Труда, что было с большой радостью встречено нашими моряками, а также всей инженерно-научной общественностью Советского Союза.

Позвольте, дорогой Алексей Николаевич, Вам, доблестному патриоту нашей великой Родины, пожелать бодрости, здоровья и сил для дальнейшей плодотворной деятельности на благо Отечества⁷³.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал

Н.Г. Кузнецов

Москва

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Копия.

№ 20. Ю.А. ПАНТЕЛЕЕВ. ЧЕЛОВЕК НЕСГИБАЕМОЙ ВОЛИ*

[...] Во время моей службы в Главном морском штабе (ГМШ) я был свидетелем одного события, касавшегося не только меня, но и Н.Г. Кузнецова. В начале мая 1943 г. фашисты потопили на Волге несколько барж с жидким топливом. Тысячи тонн нефти горели и текли по Волге. Сталин был этим очень возмущен, собрал Политбюро, очень резко разговаривал с Н.Г. Кузнецовым, приказал немедленно снять командующего Волжской военной флотилией и в тот же день на вечернем, точнее, ночном заседании представить на утверждение нового кандидата. Никаких подробностей об этом заседании я не знал, а Николай Герасимович ни о чем меня не предупредил. Хорошо помню, что ночью в первых числах мая, когда вся семья уже спала, зазвонил телефон и мужской грубый голос сообщил, что через 20 минут за мной заедет майор (фамилии не помню). Я, конечно, кинулся искать по телефону наркома ВМФ, но его нигде не было. Действительно, через 20 минут за мной приехал какой-то майор, и на большой темной машине мы помчались в Кремль. Из самолюбия я ничего не спрашивал, настроение было, конечно, плохое, да еще темная военная Москва наводила тоску. Не успел я опомниться, как очутился в светлой комнате, где сидело много военных в форме НКВД. Меня попросили обождать. В перерыве вышли все члены Политбюро, и с ними шел Николай Герасимович. Он разговаривал с А.И. Микояном, меня, видимо, не заметил, но я хорошо знал наркома, видел, что он чем-то возбужден, покраснел и говорил с несвойственной ему экспрессией. Очень скоро все члены Политбюро вновь прошли в кабинет И. В. Сталина, и через пару минут туда пригласили меня. Почти у входных дверей мне предложили сесть. Я оглядел комнату и узнал всех членов Политбюро, сидевших за большим столом. У большой кафельной печки, прислонясь к ней спиной и опершись руками о спинку стула, в очень возбужденном, как мне показалось, состоянии во весь рост величественно стоял наш нарком ВМФ. Я смотрел на него и ожидал, что он объяснит мне причину моего здесь присутствия, но Николай Герасимович на меня даже не взглянул. А мне посыпалось много самых разных вопросов о моей службе на флоте и бывал ли я на Волге. Я ответил, что Волги я в глаза не видел и никогда по ней не плавал. После этих моих слов взоры всех членов Политбюро обратились к стоявшему наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Помню, кто-то спросил:

* Продолжение.

"Кузнецов, как же так?" Тут Николай Герасимович как-то еще больше выпрямился, на шаг отошел от печки, строго обвел всех глазами и громко, но спокойным тоном заявил: "Я уже докладывал товарищу Сталину, что "рекаков" у меня нет, а любой опытный моряк-адмирал, уже воевавший, безусловно, справится с флотилией, и я предлагаю утвердить командующим Волжской военной флотилией контр-адмирала Пантелеева". Наступила гнетущая для меня пауза. Николай Герасимович вновь прислонился к печке и ни на кого не смотрел. Мне предложили выйти в приемную. Что еще говорил Николай Герасимович, я не знаю, но вышел он из кабинета в бодром настроении, краска с лица сошла, он приветливо улыбнулся мне и коротко сказал одно слово: "Поехали". И только в машине, обернувшись ко мне, он уже спокойным тоном произнес: "Ну, Пантелеев, поздравляю, вас утвердили в должности командующего Волжской флотилией, не подведите..."

Конечно, Николай Герасимович не рассказал мне, сколько горьких слов упрека выслушали он и нарком речного флота З.А. Шашков от Сталина за потерянную нефть на Волге и за недостаточную помощь военных моряков речникам.

8 мая, рано утром, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, нарком речного флота З.А. Шашков и я вылетели в Сталинград. Наркомы всю дорогу о чем-то оживленно беседовали, я же молча сидел сзади. Полет был тяжелый, но прилетели мы благополучно, и я рад был, что Николай Герасимович вновь обрел свой тон речи, величавость внешнего вида и знакомое мне спокойствие.

За продвижением нефтяных барж, следовавших по Волге из Астрахани в Саратов на нефтеперегонный завод, следило много начальства, ежедневно звонили Микоян, Кузнецов и из Генерального штаба. Горючее требовалось армии, авиации и флоту, без него нельзя было начать большое наступление. Николай Герасимович пробыл на Волге несколько дней, принял решительные меры по техническому и боевому усилению флотилии всем необходимым имуществом. Для помощи мне он вызвал из Москвы начальников управлений ВМФ: минно-торпедного, технического, связи и противовоздушной обороны. Все они прилетели с необходимой нам материальной частью.

Волжская военная флотилия широко развернула свою деятельность, баржи с нефтью перестали подрываться на немецких минах. Был все же один интересный случай, характеризовавший выдержку нашего наркома.

Прошла неделя, Николай Герасимович собирался улететь в Москву, и вдруг как-то утром, еще до моего доклада наркому, начальник штаба флотилии В. Григорьев докладывает, что только что взорвалась на mine канлодка "Красный Аджаристан" – старый колесный пароход. Он разлетелся на части, и его детали мы находили на деревьях в лесу, вдали от реки. Вся команда погибла, не нашли даже трупов – сила взрыва 500-килограммовой немецкой мины, да еще на мелком месте, была колоссальной. Конечно, расстроенный, я пошел на доклад наркому – это была первая катастрофа. Николай Герасимович выслушал меня внимательно, спросил, было ли место гибели ранее протралено, а затем, обратив внимание на мой расстроенный вид, проговорил: "Слушайте, Пантелеев, неужели вы думаете, что от того, что вы вступили в командование флотилией, корабли не будут взрываться и фашисты не будут ставить мины? Это было бы более чем наивно. Возьмите себя в руки: не к лицу командующему так скисать... Давайте завтракать". Чувствую, что у меня в горле появился какой-то комочек, так как я ожидал превеликого "разноса", хотя виновным себя в этой драме считать не мог. Выяснилось, что тральщики 10 раз тралили злополучное место, но мина не взорвалась. Оказалось, что она была какой-то большей кратности действия. Это все мы учили, тралили фашистские мины до 15 раз, ми-

* Так в тексте. От "реки" и "моряков" – "рекаков".

ны подрывались иногда и на пятнадцатом проходе тральщика. В результате принятых мер по тралению мин за все лето ни одна баржа с нефтью не подрывалась. В этом была большая заслуга и Николая Герасимовича, ибо он даже из Москвы ежедневно по ВЧ интересовался всеми делами флотилии и немедленно оказывал реальную помощь во всех наших нуждах.

Однажды нарком ВМФ спросил меня, сколько орденов и медалей я израсходовал, награждая офицеров и матросов за подрывы фашистских мин. Я ответил, ожидая упрека за большое число врученных наград. После паузы Николай Герасимович говорит мне: "Вы, наверно, считаете, что правительство дало вам разрешение награждать от имени Верховного Совета СССР орденами, как памятными значками? – и с сарказмом продолжает: – Если вы бережете ордена себе и своему штабу на конец кампании, то неостроумно – орденов хватит. Если же законно израсходуете, то пришлем еще". Признаться, по неопытности я был вначале скуп на награждение орденами. Николай Герасимович нас поправил, и мы в итоге никого не обидели.

Два раза в течение лета прилетал Н.Г. Кузнецов на Волгу проверять на месте, как выполняются его указания и как вообще идут дела по очистке реки от мин. Чувствовалось по всему тону разговора, что нарком ВМФ был доволен флотилией. Осенью, когда из-за льда плавание прекратилось, многие из руководства и личного состава флотилии были заслуженно награждены боевыми орденами и отмечены присвоением очередных воинских званий.

Время летит быстро, и через год, в августе 1944-го, будучи вице-адмиралом, я был назначен командующим Беломорской военной флотилией (БВФ). Организационно БВФ подчинялась командующему Северным флотом. В связи с тем что фашисты прервали железнодорожную и телефонную связь Москвы с Полярным, все распоряжения из Москвы шли по ВЧ через Архангельск. Мне часто приходилось выслушивать от наркома ВМФ разные "фитили" в адрес командования флотом, хотя никакой моей вины в недовольстве Н.Г. Кузнецова не было. Я должен был передавать эти указания в Полярный командующему флотом.

На Севере у меня произошло одно важное событие, характеризующее порядочность Николая Герасимовича. Осенью 1944 г. мне было поручено провести одну важную операцию – вывести из Карского моря в Архангельск два ледокола, одним из которых был "Иосиф Сталин". Потерять его в эпоху культа личности было равносильно потере головы флагмана. В Москве я лично доложил наркому ВМФ весь план операции и добавил, что немецкие подводные лодки, вероятно, будут нас ждать на выходе из Карских ворот в Баренцево море и при входе в Белое море. Для соблюдения полной скрытности и согласно боевому уставу я просил разрешения сохранять полное радиомолчание. Нарком разрешил и даже добавил: "Конечно, конечно", но мне тогда же показалось, что думал он в тот момент о другом. Операция проводилась в октябре 1944 г., в составе отряда было 24 разных корабля. Погода стояла по-осеннему штормовая и холодная, дни короткие, обстановка в море неуютная и мрачная. Наша радиоразведка доносила с берега, что в море обнаружено несколько подводных лодок противника, но места их были неизвестны. Ледоколы мы встретили точно по расчетному времени, а дальше, допуская, что противник мог предполагать наш маршрут движения, я изменил курс на много градусов к северу, желая уклониться от мысов, где могли быть подводные лодки. На море разыгрался шторм, и мы, конечно, вышли на видимость наших постов значительно позже расчетного времени. Корабли охранения неоднократно обнаруживали шумы подводных лодок и бомбили их. Каково же было мое удивление, когда я получил две телеграммы от командующего Северным флотом с приказанием показать свое место. Я запретил радистам давать "квитанции" о получении радиограмм и, конечно, на них не ответил. Вдруг я получаю радиограмму от наркома ВМФ, короткую, но строгую: "Приказываю показать свое место". Несколько

минут я переживал, ведь приказание идет от наркома ВМФ! Разные мысли лезли в голову: а что, если это провокация фашистов? Полностью исключить такую возможность было нельзя, да и Кузнецова я хорошо знал как человека, не менявшего своего слова. И на радиogramму я не ответил.

В Молотовск (сейчас Северодвинск) мы пришли с опозданием почти на сутки. Как только отшвартовался мой корабль, меня немедленно вызвали по ВЧ, так как нарком ВМФ звонил несколько раз, интересуясь судьбою ледоколов. Звоню наркому, докладываю о выполнении операции. В ответ суровый, строгий голос: "Почему вы не ответили на две радиogramмы комфлота и мою?" У меня пересохло в горле, я медлил с ответом. Слышу в трубке голос: "Почему молчите? Вы меня поняли?" Набрал в легкие больше воздуха и стараясь быть полностью спокойным, четко отвечаю: "Товарищ нарком! Вы мне лично в Москве приказали сохранять полное радиомолчание, и я не рискнул нарушить ваше приказание". Молчание. Я хорошо слышу, как нарком дышит, но молчит. Наконец я услышал знакомый, но уже мягкий голос Николая Герасимовича: "Правильно сделали, у меня все". И телефонная трубка щелкнула. А что бы я делал, если бы нарком ответил, что не помнит такого приказания, ведь никакого документа у меня в мое оправдание не было, и мое командование флотилией на этом и закончилось бы. Н.Г. Кузнецов не мог так поступить, я в это верил и не ошибся. Это был глубоко порядочный человек, рыцарь своего слова. Вот тогда глаза мои увлажнились. Ответ наркома ВМФ для меня был высшей наградой, и я на всю жизнь запомнил этот случай как пример того, как надо уметь держать свое слово. И этот случай не единственный.

Когда осенью первого года войны фашисты подошли к окрестностям Ленинграда и над городом нависла явная угроза, Сталин приказал подготовить весь флот и все боевые объекты на берегу к полному уничтожению: "Ничего не должно достаться фашистам". Хотя Сталин и подписал эту страшную директиву, но к нам на флот ее не послал, ограничившись лишь устным приказанием наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Мы тогда составили план уничтожения флота и всех береговых батарей. Это была мучительная работа для всего штаба флота. Когда положение на фронте стабилизировалось, новый командующий фронтом Г.К. Жуков написал Сталину, что на флоте все руководство в панике, собирается уничтожить весь флот и все батареи. В правительстве и в ЦК были возмущены этим обстоятельством. Н.Г. Кузнецову приказали снять В.Ф. Трибуца, всех членов Военного совета и меня как начальника штаба флота. Конечно, над нашими головами навис меч. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов доложил Сталину, что на Балтике никакой паники нет: "Комфлот Трибуц точно выполнил Ваше приказание, которое Вы лично отдали мне". Сталин вспомнил и приказал никаких репрессий к командованию Балтийского флота, и прежде всего к Трибуцу, не применять. Если бы Николай Герасимович промолчал, а документа, подписанного Сталиным, ни у наркома ВМФ, ни у нас в штабе не было, то всем нам было бы несдобровать в тот горячий 41-й год. Николай Герасимович выручил всех, и в первую очередь В.Ф. Трибуца – человека, который в дальнейшем отплатил ему черной неблагодарностью. Подобных примеров заступничества Н.Г. Кузнецова за тех, кто, по его мнению, не был виновен, я мог бы привести много. Таков был характер этого человека. Защитить же самого себя от заведомо несправедливых нареканий Николай Герасимович не умел.

Не могу не вспомнить один тяжелый случай. Во время войны на Юге представителем Ставки Верховного Главнокомандующего был Мехлис⁷⁴. По своему опыту это был политработник, человек невоенный и по моральным качествам весьма ограниченный, самонадеянный и очень неприятный. После встречи с ним в Главном штабе у наркома я стал просто физически бояться этого человека. И вот когда в 1942 г. на Керченском полуострове сложилась для нас очень тяжелая обстановка и

фронт отошел на восток, к проливу, то вместе с ним вынуждены были перебазироваться на таманский берег и все части Керченской ВМБ во главе с ее командиром контр-адмиралом А.С. Фроловым⁷⁵. В эти дни Мехлис ничего лучшего не нашел, как посылать И.В. Сталину истеричные телеграммы на всех генералов и адмиралов, обвиняя их в поражении. Такую телеграмму он дал и наркому ВМФ, требуя отдачи Фролова под суд, добавив при этом, что если нарком Кузнецов этого не сделает, то он, Мехлис, своим приказом и своими руками расстреляет Фролова. Разговор происходил по телефону ВЧ. На это Николай Герасимович резко и громко ответил: "Послушайте, Мехлис! Этого вы не посмеете сделать и права на это не имеете". С шумом бросив трубку на рычаг телефона и весь покраснев, Н.Г. Кузнецов произнес, ни к кому конкретно не обращаясь: "Вот же прохвост какой!" А в кабинете в это время сидели на докладе заместитель наркома ВМФ Л.М. Галлер и я, как врио начальника Главморштаба (начальник ГМШ был в госпитале). Мы переглянулись с Галлером и промолчали, чувствуя, что нарком на эту тему говорить не хочет. Должен добавить, что Сталин скоро убрал Мехлиса с фронта, но злобу на Кузнецова последний, конечно, затаил.

Да что Мехлис! К сожалению, у Николая Герасимовича постепенно накопилось много так называемых "друзей", больших и малых, которые из зависти искали случая подложить ему мину. Обидно было нам, друзьям, видеть, что Николай Герасимович, зная подлый характер многих сослуживцев, совершенно не обращал внимания на их каверзные проделки. Однажды узнаю, что Н.Г. Кузнецов собирается назначить на большую должность адмирала, который делал ему только пакости по службе. Будучи на даче у Николая Герасимовича с членом Военного совета ТОФ генерал-лейтенантом Зайцевым, я решил и все рассказал ему об этом человеке, упрекая его в том, что он сам себя окружает непорядочными людьми. И что же? Николай Герасимович, выслушав, посмеялся над нами, пошутил добродушно, и на этом дело закончилось. В этом сказался его сильный характер – он, не чувствуя за собой никакой вины, не хотел верить в возможность людской пакости.[...]

Архив семьи Н.Г. Кузнецова.

Подлинник.

№ 21. ИЗ ПИСЬМА НАРКОМА ВМФ СССР АДМИРАЛА Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И.В. СТАЛИНУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОРЯДКА КОМАНДОВАНИЯ ФЛОТАМИ

№ 13532сс

9 декабря 1943 г.

Боевая практика оперативного руководства флотами в ходе Великой Отечественной войны показала целесообразность некоторых организационных изменений.

1. Командующие фронтами (армиями), коим подчинены оперативно флоты (флотилии), ставили им обычно задачи, которые были непосредственно связаны только с текущими действиями (операциями) самого фронта (армии). Такими типичными задачами были:

* С письмом нарком ВМФ доложил и проект разработанной им директивы об упорядочении командования флотами и флотилиями, который был положен в основу одноименной директивы И.В. Сталина и А.И. Антонова от 31 марта 1944 г. В связи с этим проект директивы Н.Г. Кузнецова здесь не воспроизводится. – Р.К.

- а) поддержка войсковых частей КА береговой, железнодорожной и корабельной артиллерией, авиацией флота;
- б) высадка с кораблей и катеров десантов;
- в) производство сухопутной разведки;
- г) перевозка войсковых частей, боевой техники и снабжения частей фронта (армии).

Задачи же чисто морские: борьба на коммуникациях противника, набеговые действия на неприятельское побережье, борьба на морском театре за создание благоприятного оперативного режима – обычно в директивах фронтов (армий) не ставились, и потому приходилось по этим вопросам флотам (флотилиям) давать дополнительные указания мне и Главному морскому штабу ВМФ, информируя об этом Генштаб КА.

В целях внесения большей четкости в постановку оперативных (директивных) задач флотам (флотилиям) полагал бы установить следующий порядок.

Главный морской штаб ВМФ:

а) разрабатывает морские задачи флотам (флотилиям), исходя из общей обстановки на театрах войны и с учетом фронтовых (армейских) задач;

б) согласовывает эти задачи в Генштабе КА. После чего мной задачи докладываются Вам и затем, по утверждению Вами, даются по линии Генштаба КА командующим флотами (флотилиями) и соответствующим командующим фронтами (армиями), первым – для исполнения, вторым – для сведения. Копии директив получает Главный морской штаб ВМФ.

2. Для лучшей взаимной информации между командующими фронтами и флотами и их штабами об обстановке на море и на фронтах и более полной координации взаимодействия в штабах фронтов и армий, имеющих в своем оперативном подчинении флоты или флотилии, организовать морские отделы, подчиненные начальнику штаба фронта (армии), а также по обстановке иметь флотских офицеров связи.

Назначение офицеров морских отделов производится моими приказами. Эта организация морского представительства в частях КА себя полностью оправдала в условиях продвижения частей армии на запад вдоль побережья Черного и Балтийского морей и других водных систем, позволив заблаговременно учитывать потребности армии и своевременно подготавливать части флота к совместным операциям.

3. В данный момент флоты имеют по морским задачам следующие документы:

Северный флот – мою директиву № 16352сс/сов от 31.12.42 г.

Краснознаменный Балтийский флот – мою директиву № НШ/408 от 13.08.43 г.

Черноморский флот – мою директиву № 16630сс от 26.09.42 г.

Полагал бы эти данные в разное время директивы заменить новыми, включающими не только ближайшие морские задачи, но для ориентирования и те, которые встанут перед флотами (флотилиями) к весне 1944 г. [...]

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза СССР
адмирал

Кузнецов

Помета в конце листа: "Снята копия в одном экз. по приказанию наркома для зам. начальника ГШКА т. Антонова и отправлена за № 13550сс. Зам. нач-ка ОУ Зозуля 24.12.43".

ЦВМА. Ф. 2. Д. 36724. Л. 7–9.

Заверенная копия.

№ 22. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. УШАКОВ ИЛИ НАХИМОВ. ОБ ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ МОРСКИХ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ

1973 г.

В первый год войны отличившихся в боях награждали орденами Ленина, Красного Знамени, за особые заслуги присваивалось звание Героя Советского Союза. Первым орденом, учрежденным в мае 1942 г., явился орден Отечественной войны I и II степени. Это был орден для награждения как офицерского, так и рядового состава Красной Армии. Позднее, 29 июля 1942 г., были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского. В октябре 1943 г., в дни боев за Украину, был введен орден Богдана Хмельницкого.

У моряков появилось естественное желание иметь свои ордена. Еще не представляя официального доклада, я, будучи на докладе у Сталина (это было в начале 1943 г.), завел разговор об учреждении орденов Ушакова и Нахимова двух степеней для награждения отличившихся флотских военачальников. Отказа я не получил, но и поддержки тогда моим предложениям высказано не было. Реализовать это намерение удалось только в 1944 г. Мне хочется вспомнить, как проходило официальное и окончательное утверждение орденов и признание первенства за Ушаковым.

Тогда, в 1943 г., подготовка этих вопросов в Наркомате ВМФ была поручена начальнику Оргмобуправления капитану 1-го ранга Б.М. Хомичу. Он был аккуратный исполнитель, отлично знающий свое дело. Я знал Бориса Михайловича еще с 1925 г., когда он по комсомольскому набору пришел в военно-морское училище и, зачисленный в самую младшую роту (когда я был уже выпускником), оказался в моем подчинении. В годы войны он наряду с огромной основной работой ведал вопросами изменения формы одежды, военно-морских флагов или знаков различия.

Получив задание, Борис Михайлович в тишине своего кабинета сделал множество черновых набросков, прежде чем официально доложить мне результаты своей работы. Наконец, когда они были готовы, мы рассмотрели различные изображения орденов и медалей и отобрали проекты для внесения в правительство.

В начале 1944 г. Наркомат ВМФ вошел с предложением об учреждении орденов и медалей Ушакова и Нахимова. При рассмотрении проектов указов по орденам возникли сомнения, кого ставить выше: Ушакова или Нахимова? Я пытался убедить, что Ф.Ф. Ушаков⁷⁶ как флотоводец стоит выше П.С. Нахимова⁷⁷, что он имеет много знаменательных побед на море и ни одного поражения, что Ушаков заслуживает этого еще и потому, что он провел немало крупных организационных мероприятий на флоте. В доказательство приводил и примеры. Однако адмирал Нахимов был более известен нашему поколению, а адмирал Ушаков, оцененный за рубежом, у нас популяризировался недостаточно. Даже в военно-морских учебных заведениях о нем говорилось меньше, чем о Нахимове.

Объясняется это тем, что деятельность Нахимова связана с более близкими к нашей эпохе событиями в Севастополе во время Крымской войны, которые описаны значительно шире и красочнее, чем бои и сражения Ушакова, происходившие на полстолетия раньше и в районах более удаленных. Крымская война нашла отражение в сочинениях таких знаменитостей, как Лев Толстой. События времен Суворова и Ушакова были, кроме того, затменены в известной степени Отечественной войной 1812 г. Но Суворов оказался настолько великим полководцем, что его имя не заслонило Кутузов, а Ушаков постепенно стал забываться.

Отрицательную роль в этом деле сыграли также консервативные круги старого флота, преклонявшиеся перед морским величием Англии и отдававшие больше должного Нельсону, чем своему соотечественнику – Ушакову. Однако мое первое

представление не убедило правительство, и была создана комиссия под председательством А.С. Щербакова для проверки моей правоты и внесения окончательного предложения. Мы не раз беседовали со Щербаковым, и я наконец убедил его в правильности проекта Наркомата ВМФ. На очередной встрече в Государственном Комитете Обороны был принят наш вариант, а 3 марта 1944 г. вышел и Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Но на этом дело не кончилось. Широким кругам народа был известен прежде всего Нахимов, а не Ушаков. В письмах многие высказывали свое недоумение: почему на первом месте стоит Ушаков, а не Нахимов? Да и среди моряков я не раз слышал, будто сделана ошибка. Поэтому после войны и возникла мысль сделать фильм об адмирале Ушакове. Созданная и с успехом демонстрировавшаяся в те годы на экранах двухсерийная кинокартина убедительно показала величие Ушакова как флотоводца и патриота, а вместе с тем и разрешила все разногласия и сомнения.

Так были учреждены для моряков ордена Ушакова и Нахимова I и II степени и медали. Рисунки их всем хорошо известны. Однако нельзя не упомянуть об одном любопытном эпизоде, который произошел во время моего доклада И.В. Сталину о статутах и рисунках орденов Ушакова и Нахимова. Сталин, внимательно рассмотрев изображения, одобрил рисунки ордена Ушакова, но отложил в сторону рисунки ордена Нахимова I и II степени и молча направился к своему письменному столу. "В чем дело?" – думал я. Открыв средний ящик стола, он вытащил оттуда прекрасную коробку с орденом "Победа". Этот орден был учрежден еще в ноябре 1943 г., но я его до тех пор не видел. Богато украшенный бриллиантами, он имел в лучах звезды пять рубинов.

"А что, если якоря ордена Нахимова вот так же украсить рубинами? – сказал Сталин, показывая на орден "Победа". – Только настоящими", – добавил он.

Возражать не было оснований. Так орден Нахимова как I, так и II степени получился, по-моему, не только самым красивым, но и самым дорогостоящим.

Это было в марте 1944 г. Наши войска уже быстро продвигались на запад. Немецкие дивизии гибли то в одном "котле", то в другом. Учреждение орденов и медалей сыграло немалую роль в достижении победы. Их целесообразность не вызвала сомнения.

Одновременно с утверждением статут орденов Ушакова и Нахимова в марте 1944 г. были уже учреждены медали Ушакова и Нахимова. Мне помнится разговор в кабинете Верховного Главнокомандующего о целесообразности учреждения для личного состава ВМФ наряду с орденами еще и медалей. Было признано тогда же (3 марта 1944 г.) "учредить медали Ушакова и Нахимова" для преимущественного награждения рядового состава, отличившегося в боях за освобождение Родины. Медаль Ушакова, как и орден Ушакова, признавалась более высокой наградой, чем медаль Нахимова.

Как известно, до конца войны, и особенно в период борьбы за крупные города – Москву, Ленинград, Севастополь, Сталинград и другие, были учреждены различные медали. Роль и значение их невозможно переоценить. Одним важным преимуществом медалей перед орденами являлось массовое награждение ими как военнослужащих всех рангов, так и гражданского населения.

Говоря о флотских медалях Ушакова и Нахимова, [не могу не заметить, что] их значение проявилось при первых же награждениях весной и летом 1944 г. Удачные, на мой взгляд, рисунки медалей Ушакова и Нахимова сыграли немалую роль. Мне доводилось, бывая на флотах, частенько слышать, с какой гордостью их носили те, кто был удостоен этой награды. Причем медаль Нахимова (как и орден Нахимова) получилась более удачной, и награждение ею все считали лучшей наградой. Мне не раз приходилось слышать от офицеров, что они предпочли бы быть награжденными

медалью Ушакова или Нахимова, и объясняли это признаком личного участия в операциях вместе с рядовым составом. Особенно ценили награду медалями наши морские пехотинцы и бойцы батарей береговой обороны. Однажды на вопрос, почему они хотели бы заслужить именно такую награду, мне объяснили тем, что кроме получения награды этим фактом еще отмечается и причастность награжденного к Военно-Морскому Флоту, чем моряки гордились независимо от того, где им приходилось воевать. В стремлении получить флотскую медаль можно найти аналогию с желанием носить флотскую форму, находясь в частях морской пехоты, или на худой конец фуражку или полосатую тельняшку.

Когда под влиянием писем возникла необходимость найти средство пропаганды заслуг Ушакова, мы обратились к кино. В связи с этим хочется немного вспомнить и о двухсерийном фильме об Ф.Ф. Ушакове. Значение кинокартины заключается не только в том, что она убедила широкие круги зрителей в обоснованности поставить Ушакова выше Нахимова в статутах орденов, но и в том, что познакомила общественность с очень важной исторической эпохой совместных действий Суворова на суше и Ушакова на море. Фильм вышел исторически достоверным и художественно правдивым. Богатый исторический материал об Ушакове не потребовал домыслов, и даже отсутствие в картине сугубо личного, семейного материала не снизило интереса к ней.

После длительной феодальной междоусобицы русских князей и монгольского нашествия Российскому государству требовался выход к берегам Черного моря. "Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого", – писал К. Маркс. До Ушакова, как известно, были уже отвоеваны выходы к морю на Балтике и "прорублено окно в Европу". На долю Ушакова выпало обеспечить русскому флоту господство в Черном море и действовать в Средиземном. Когда Суворов одерживал победы у Очакова, при Рымнике и Измаиле, Ушаков, как бы обеспечивая фланги нашей армии, успешно сражался с турецким флотом у Керчи, Тендры и позднее у Калиакрии. Вот почему, несколько раз пересматривая фильм об Ушакове, я видел не только художественную сторону постановки, но и огромное смысловое ее значение. Мне думается, к этой картине полезно время от времени возвращаться, чтобы восстанавливать в памяти знаменательные эпизоды из истории войны на море.

Здесь ограничиваюсь воспоминанием отдельных эпизодов, связанных с созданием фильма.

Запомнились первые разговоры на сей счет с И.С. Исаковым, которого я просил шефствовать от имени моряков над картиной. Он проявил горячий интерес и энергично взялся за дело. Известный драматург А. Штейн⁷⁸ написал сценарий, показав большие исторические события. Вместе мы обсуждали все эпизоды, стараясь не допускать домыслов. И кажется, это получилось.

Сохранились в памяти и самые первые наброски сценария. В нем Ушакову были придуманы небольшие любовные переживания: на императорской яхте на Неве и при посещении Екатериной Севастополя. В окончательном варианте они были исключены, о чем не приходится жалеть: выиграла историческая правда.

Когда сценарий был утвержден, нашелся и талантливый режиссер-постановщик – М. Ромм. Артисты И. Переверзев, Б. Ливанов, С. Бондарчук и весь коллектив обеспечили отличное выполнение задуманного. И.С. Исаков согласился взять на себя труд консультанта. И я, заинтересованный в выходе хорошей картины, не оставался в стороне.

Отложились в памяти "пробы" артистов на роль Ф.Ф. Ушакова. Теперь я уже не помню всех, кого "пробовали", но о двух соперниках на эту роль хочу

рассказать. После отсеивания имевшими наибольшими шансы сняться остались Б. Бабочкин, И. Переверзев и Н. Симонов. Симонов был признан неудачным для цветного кино, и оставалось делать выбор между Бабочкиным и Переверзевым.

Я, как и все, знал Б. Бабочкина в роли Чапаева. Это – исключительная удача артиста, но она-то и вызвала у меня сомнение. Кстати, за Бабочкина ратовал и тогдашний нарком кинематографии И.Г. Большаков.

"Бабочкин талантлив – спору нет, но, как бы он ни сыграл роль Ушакова, зрители будут признавать в нем Чапаева", – доказывал я. "Едва ли Бабочкину – Ушакову удастся переиграть Бабочкина – Чапаева", – уверял я. "Пусть в этой роли "родится" новый актер, который и удачно создал бы флотоводца Ушакова, и прославил бы себя" – так рассуждал я. Совсем мало зная И. Переверзева, но почему-то доверяя ему, я настоял на его съемках в роли Ушакова. И кажется, не ошибся. Понимаю, что я, как моряк, пристрастен к этой картине, но и отбрасывая это, по мнению других, осмеливаюсь уверять, что она поставила на свое место знаменитого русского адмирала Ф.Ф. Ушакова и раскрыла интересные эпизоды из жизни русского флота тех лет.

Но вернемся вновь к орденам. Это высокая награда, и ее заслуженно получили сотни тысяч моряков в годы Великой Отечественной войны, получают ее и в мирные дни за успехи в боевой и политической подготовке.

Конечно, за редким исключением, их получали те, кто заслужили, но одно впечатление я вынес из награждений в годы войны: орденами нельзя злоупотреблять, чтобы их не обесценить. Следует внимательно подходить ко всякому награждению: плохо, когда их выдается чрезмерно много, но, пожалуй, еще хуже, когда остается неотменным человек, заслуживший их. Обида долго не забывается. В связи с этим на ум приходит старый эпизод из времен гражданской войны в Испании. Наш главный военный советник Г.М. Штерн по совету из Москвы рекомендовал тогдашнему испанскому министру И. Прието ввести ордена для испанской народной армии. Запомнилось, как однажды на эту тему Штерн вел разговор с Прието у него на квартире. Такой зондаж у Прието был уже не впервые. Дон Индалесио уклонялся от определенного ответа, а тут после чашки черного кофе и особенно солидной копы (рюмки) коньяка он разоткровенничался.

"Я против всяких орденов, – неожиданно для нас начал он и пояснил: – Одному дашь орден – он через месяц забудет, а десятки других обойденных будут обижены и запомнят это на многие месяцы". С такой крайней точкой зрения нельзя согласиться, но есть в ней и [какая-то] доля правды. Я до последних дней получаю письма – и, видимо, справедливо – от тех, кого мы по каким-то причинам не отметили в годы войны.

"Да, ордена – вещь обоюдоострая", – заметил мне однажды В.А. Алафузов, когда я ему рассказал о взглядах И. Прието на ордена.

А я считаю, что орденами нужно всегда награждать осмотрительно и только тех, в ком ни у кого не возникает сомнений. Иначе ордена потеряют свою ценность.

*Архив семьи Н.Г. Кузнецова.
Подлинник.*

№ 23. ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВМФ, КОМАНДУЮЩИМ КАРЕЛЬСКИМ, ЛЕНИНГРАДСКИМ, 2-М БЕЛОРУССКИМ, 3-М И 4-М УКРАИНСКИМИ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ФРОНТАМИ, КОМАНДУЮЩИМ ФЛОТАМИ И ФЛОТИЛИЯМИ, КОМАНДУЮЩЕМУ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ, НА ЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КА ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОРЯДКА КОМАНДОВАНИЯ ФЛОТАМИ И ФЛОТИЛИЯМИ

№ 220061

31 марта 1944 г. 24.00

В целях внесения большей четкости в постановку фронтами и армиями задач флотам Ставка Верховного Главнокомандования п р и к а з ы в а е т руководствоваться следующим:

1. Все военно-морские флоты и флотилии во всех отношениях подчинены народному комиссару Военно-Морского Флота, который является Главкомандующим морскими силами СССР.

2. На отдельных этапах войны те или иные флоты и флотилии в целом или их отдельные соединения могут быть подчинены в оперативном отношении командующим соответствующих фронтов, округов, армий.

3. Установить на данном этапе следующее оперативное подчинение флотов и флотилий:

Северный флот с Беломорской военной флотилией	—	народному комиссару ВМФ
Черноморский флот	—	народному комиссару ВМФ
Азовскую военную флотилию Черноморского флота	—	командующему Отдельной Приморской армией
Краснознаменный Балтийский флот с Ладужской военной флотилией	—	командующему Ленфронтом
Тихоокеанский флот с Северной Тихоокеанской военной флотилией	—	командующему Дальневосточным фронтом
Амурская Краснознаменная флотилия	—	командующему Дальневосточным фронтом
Каспийская военная флотилия	—	народному комиссару ВМФ
Волжская военная флотилия	—	народному комиссару ВМФ
Днепровская военная флотилия	—	командующему 2-м Белорусским фронтом

4. Все оперативные задачи флотам и флотилиям, не подчиненным соответствующим фронтам, округам, армиям, ставятся Ставкой Верховного Главнокомандования через народного комиссара Военно-Морского Флота СССР.

5. Командующие фронтами, округами и армиями ставят задачи флотам и флотилиям, подчиненным им в оперативном отношении, после утверждения их Ставкой в части проведения:

- а) операций по обороне и поддержке прибрежного фланга армий;
- б) десантных и противодесантных операций;
- в) операций против береговых объектов противника.

6. Все задачи, не связанные непосредственно с фронтами и решаемые только силами и средствами военно-морских флотов и флотилий самостоятельно, как-то:

- а) действия против морских сил противника;
- б) действия на морских сообщениях противника;
- в) действия против баз и удаленных береговых объектов, островных районов и морских опорных пунктов противника;
- г) повседневные задачи, обеспечивающие оперативный режим на морском театре,

ставятся флотам и флотилиям (включая и оперативно-подчиненные фронтам, армиям) народным комиссаром Военно-Морского Флота на основании директив Ставки.

7. ВВС флотов и флотилий используются на морских театрах для выполнения морских задач (прикрытия кораблей и баз, торпедно-бомбовые удары по кораблям и приморским объектам противника, минные постановки, разведка). Использование морской авиации на сухопутном фронте допускается в исключительных случаях с разрешения Ставки.

8. В случаях невозможности или нецелесообразности выполнения задач, поставленных флоту командованием фронтов, округов, армий, народный комиссар Военно-Морского Флота докладывает свое мнение Ставке.

9. При оперативном подчинении частей и соединений флота командованию фронтов, округов, армий последние не вмешиваются в тактические морские вопросы и внутреннюю службу флота и флотилий.

10. За оборону побережья на морских театрах в целом несет ответственность соответствующий командующий приморским фронтом, округом, армией; Военно-Морской Флот в этой части отвечает за непосредственную оборону своих объектов и уничтожение десанта противника на воде до момента его высадки на берег, действуя в дальнейшем армейским частям в уничтожении десанта противника на берегу.

11. Для непосредственной обороны береговых объектов Военно-Морского Флота (порты, базы, узлы батарей, аэродромные узлы) армейское командование обязано выделять в оперативное подчинение флотскому командованию силы в соответствии с общим планом обороны побережья.

12. В штабах фронтов, округов и армий, имеющих в своем оперативном подчинении флот или флотилию, сформировать морские отделы, подчиненные начальникам штабов фронтов (армий), а также по обстановке иметь флотских офицеров связи.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин
Антонов

Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4 (январь 1944 – август 1945 г.). М., 1968. С. 58-60.

**№ 24. ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 640 СНК СССР "О ПРИСВОЕНИИ
ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ АДМИРАЛА ФЛОТА
КУЗНЕЦОВУ НИКОЛАЮ ГЕРАСИМОВИЧУ"**

31 мая 1944 г.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:
Присвоить установленное Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 мая 1940 г. воинское звание адмирала флота⁷⁹
КУЗНЕЦОВУ Николаю Герасимовичу.

Председатель Совета Народных
Комиссаров Союза ССР
Управляющий делами Совнаркома СССР
Москва, Кремль

И. Сталин
Я. Чадаев

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 200. Подлинник.

**№ 25. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА
ЧЛЕНУ ЦК ВКП(б) А.А. ЖДАНОВУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРЕЙСЕРА
"АВРОРА" В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО СУДНА И КОРАБЛЯ-МУЗЕЯ**

№ 145

21 июля 1944 г.

В связи с организацией в Петровском дворце в Ленинграде Нахимовского училища и необходимостью иметь при нем учебный "блокшив"⁸⁰ для первоначального морского обучения воспитанников прошу Вашей санкции на следующее мероприятие:

1. Крейсер "Аврора" поставить на грунт в реке Большой Невке вдоль набережной, отступя от берега и установив постоянный мостик на него с улицы (см. прилагаемый чертеж). Выбранное место постановки не мешает движению речного транспорта и не затрагивает подводного хозяйства (кабеля и водопровода).

2. Крейсер "Аврора" переоборудовать под учебный пункт и музей.

Это позволит: целесообразно использовать крейсер, который находится в таком ветхом состоянии, что дальнейшее поддерживание его на плаву или капитальный ремонт – невозможны;

расширить контингент обучающихся воспитанников на 200–300 человек после переоборудования помещений;

создать образцовую морскую и учебную базу и сохранить "Аврору" с ее историческим силуэтом как памятник революционной истории флота, связанный с Ленинградом.

Принципиальное решение этого вопроса желательно в ближайшее время, т.к. потребуются длительная подготовка "ложа" для посадки крейсера на грунт, которая будет поручена АСУ (ЭПРОНа).

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал флота

Кузнецов

Резолюция: "Не имею возражений. Жданов".

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 320. Л. 29. Подлинник на бланке наркома ВМФ СССР.

**№ 26. ДИРЕКТИВА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА
КОМАНДУЮЩЕМУ КБФ О ДЕЙСТВИЯХ КБФ В СВЯЗИ С ВОЗМОЖНОЙ
АКТИВИЗАЦИЕЙ ГЕРМАНСКОГО ФЛОТА В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ**

№ ОУ-4/591

13 ноября 1944 г. 16.20

В связи с возможной активизацией действий германского флота в Балтийском море приказываю:

1. Усилить оперативную разведку противника в море и базах, ведя ее всеми силами.
2. Увеличить число наших действующих подлодок у баз противника, в том числе у портов Виндава, Либавы, у Данцигской и Померанской бухт и на южном и северном Борнхольмских плесах.
3. Нанести ряд бомбоударов по скоплению в портах и базах подлодок, эсминцев, минзагов, десантных барж и других кораблей противника.
4. Авиацией и подводными лодками минировать подходы к портам и базам противника.
5. Подготовить организацию нанесения авиационного удара в случае появления надводных сил противника.
6. Усилить прикрытие наших коммуникаций, и в первую очередь перевозок из Швеции, южных портов к Або-Аландским шхерам, до шведских тер[риториальных] вод, устья Финского залива и Ирбенского прохода.
7. К решению задачи максимально привлечь финский флот.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал флота

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 341.

**№ 27. ДИРЕКТИВА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА
КОМАНДУЮЩЕМУ КБФ О БЛОКИРОВАНИИ МОРСКИХ
КОММУНИКАЦИЙ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ПОРТА ЛИБАВА**

№ ОУ-4/5

5 января 1945 г. 20.00

Противник удерживает плацдарм в Курляндии, производит питание своей группировки морем, используя главным образом порт Либавы. Необходимо принять меры, блокировать Либаву с моря.

1. Действиями торпедных катеров, подводных лодок и путем постановки мин прервать морскую коммуникацию противника с окруженной группировкой через порт Либавы.

2. Систематическими действиями бомбардировочной авиации исключить использование порта Либавы.

3. Ускорить перебазирование в Швентой ТКА ТКА, БМО БМО, МБКА МБКА, МО МО и КАТЦ КАТЦ.

* Пункт 5 вписан Н.Г. Кузнецовым от руки.

4. Перебазировать на аэродромы Паланген максимум минно-торпедной авиации. Василевский обещает оказать помощь бомбардировочной авиацией 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов при организации ударов по Либаве и Виндаве.

Поставлен вопрос об усилении авиации КБФ сотней Пе-2.

О мероприятиях донесите.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал флота

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 356–357.

**№ 28. ПРИКАЗ НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА
ОБ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В ВМФ ЗАМНАРКОМА ВМФ СССР
И.С. ИСАКОВУ, ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ**

№ 0110

2 апреля 1945 г.

Секретно

Великая Отечественная война вызвала большой интерес широких масс советского народа к своему прошлому, к истории армии и флота в героической борьбе нашей Родины с многочисленными нашествиями и, в частности, к истории Великой Отечественной войны.

Этот интерес, естественно, нашел свое проявление и в среде Военно-Морского Флота, где потребность в знании истории своего оружия сильно возросла, сделавшись массовой и органической потребностью.

Дальнейшее строительство и развитие Военно-Морского Флота СССР не может быть полноценным без использования всего разностороннего многовекового опыта войн, которые вело наше Отечество на море, и в особенности без использования уроков Великой Отечественной войны.

В то же время в исследовании истории нашего отечественного флота существует ряд серьезнейших пробелов. Все это настоятельно требует организации глубокой и постоянной исследовательской работы в области военно-морской истории СССР.

Исторический отдел НКВМФ ведет большую, крайне важную и необходимую работу по сбору, систематизации и первоначальному исследованию документальных материалов. Отделом уже составлены хроники первых двух лет войны. Однако это является лишь начальным этапом общего исследования и составления истории Великой Отечественной войны и второй мировой войны на море.

Исторический отдел пока еще не ведет никакой работы по организации исследований и составлению истории прошлых войн на море, исключая советско-финляндскую войну 1939–1940 гг., история которой написана и издается.

На флотах и флотилиях со стороны командования и штабов нет должного внимания к историографической работе. Документальные материалы иногда не представляются по назначению или задерживаются; историографы часто меняются, а кое-где (ДуФ) даже до сих пор не назначены; ведение офицерами личных исторических записок, дневников, воспоминаний и т.п. не поощряется.

В целях дальнейшего развития историографической работы в Военно-Морском Флоте приказываю:

I. Заместителю народного комиссара ВМФ адмиралу флота т. Исакову:

1. Пересмотреть Положение об историческом отделе НКВМФ и штаты его и представить мне на утверждение новые проекты, предусмотрев:

а) расширение функций исторического отдела с возложением на него обязанностей объединения и общего руководства всей историографической работой ВМФ и с включением в круг его ведения руководства составлением истории русского флота (флота СССР);

б) продолжение систематической работы по сбору и первичной обработке документальных материалов Великой Отечественной и второй мировой войны на море для сборников документов по войне, а также по подготовке необходимых кадров для последующего написания истории Великой Отечественной войны на море и второй мировой войны на море.

2. Организовать получение, сбор и использование документальных материалов противника.

II. Военным советам флотов и флотилий:

1. Усилить общее внимание к историографической работе на флотах и флотилиях.

2. Строго соблюдать данные мною указания о хранении и сдаче материалов войны.

3. Выдвигать на должности историографов наиболее опытных офицеров-операторов, склонных к исследовательской историографической работе и не допускать их частой смены.

4. Всемерно поощрять составление отдельными офицерами личных воспоминаний, записок, дневников и исторических монографий как для периодической печати, так и для передачи их в исторический отдел НКВМФ в качестве материалов к составлению истории Великой Отечественной войны на море.

Народный комиссар Военно-Морского Флота
адмирал флота

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 375–376.

№ 29. ИЗ ПРИКАЗА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ОБ ИТОГАХ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ЗА ЗИМНИЙ ПЕРИОД 1944/45 г. И ЗАДАЧАХ НА ЛЕТНИЙ ПЕРИОД 1945 г. КОМАНДУЮЩИМ ФЛОТАМИ И ФЛОТИЛИЯМИ

№ 0210

27 апреля 1945 г.

Секретно

Боевая подготовка флотов и флотилий в зимний период 1944/45 г. проходила в условиях стремительного продвижения войск Красной Армии на запад, освобождения больших территорий дружественных нам государств и занятия огромной территории противника, в том числе занятия ряда военно-морских баз при содействии кораблей, частей и авиации Военно-Морского Флота.

Флоты и флотилии в условиях военной обстановки добились определенных успехов по некоторым видам тактической, огневой и специальной подготовки кораблей и частей, что положительно сказалось на успешном выполнении боевых задач как по совместному действию с Красной Армией, так и по выполнению самостоятельных морских операций.

Улучшение качества боевой подготовки дало возможность:

- повысить активность боевой деятельности подводных лодок, торпедных катеров и авиации на коммуникациях противника;
- насколько улучшить оперативное взаимодействие авиации с подводными лодками при атаках последними конвоев противника по данным авиаразведки;
- достаточно успешно провести ряд тральных операций по очистке от мин рейдов гаваней и прокладке фарватеров;
- подготовить малые корабли и катера к действию в сложных условиях обстановки;
- приобрести некоторые навыки в использовании ИА для прикрытия перехода кораблей морем;
- произвести первые опыты практического боевого применения новой техники (радиолокаторов, гидроакустики, радиопеленгаторов);
- значительно повысить качество огневой подготовки летного состава ВВС всех флотов;
- повысить интенсивность полетов на боевое применение авиационного оружия;
- тактически лучше использовать железнодорожную артиллерию при поддержке войск Красной Армии.

Несмотря на перечисленные достижения, все же в боевой подготовке кораблей, частей и соединений продолжает оставаться ряд крупных недостатков, отражающихся на боеспособности и успешности боевой деятельности флотов и флотилий. Наиболее существенными из них являются:

- отработка тактического взаимодействия разнородных сил флота для проведения активных операций в море организационно не была налажена, и в результате корабли и части оказались не подготовленными к тактическому взаимодействию даже в составе своих соединений;
- не везде боевая подготовка была целеустремлена на решение конкретных боевых задач, в ряде случаев подготовка к операциям ограничивалась в основном только разработкой документации;
- оперативно-тактической подготовке офицеров штабов и командиров соединений должного внимания уделено не было, и этот вид подготовки продолжает оставаться на низком уровне;
- штабы как органы боевого управления подготовлены недостаточно; четкой организации связи и обеспечения бесперебойности ее работы не достигнуто;
- боевая подготовка проходит с большим количеством условностей, что препятствует выработке практических навыков в управлении и использовании оружия и техники в условиях современного боя;
- отработка огневых задач задерживается [в связи с] недостатком должного обеспечения (мишени, щиты, буксиры и др.), а организация использования имеющихся средств поставлена плохо;
- большинство учений с фактическим использованием оружия и техники не проводится в условиях, приближенных к боевой действительности, что снижает их практическое значение, т.к. нормативы, достигнутые в огневой и специальной подготовке в полигонных условиях, не определяют действительной подготовленности кораблей и частей к решению задач в фактической боевой обстановке;

– боевой опыт, накопленный в процессе войны, не только не внедряется в практику боевой подготовки, но и утрачивается даже на тех кораблях, которые его получили;

– новая техника, поступающая на вооружение, в частности радиолокация и гидроакустика, осваивается медленно;

– на ряде флотов и флотилий не были использованы условия менее напряженной военной обстановки зимы 1944/45 г. для более широкого развертывания боевой подготовки и повышения ее качества;

– планирование боевой подготовки производится без учета реальных возможностей; серьезной борьбы за выполнение плана не ведется; боевая подготовка, связанная с выходами кораблей в море, срывается без особых на то причин;

– взаимные тренировки разнородных соединений, тактических групп и отдельных кораблей, компенсирующие недостаток средств обеспечения, не практикуются;

– выходы кораблей в море достаточным количеством учений и упражнений не насыщаются.

Общее состояние руководства боевой подготовкой со стороны штабов флотов требует резкого улучшения. Наиболее слабым местом в общей системе руководства является: в ряде случаев отсутствие живого руководства и подмена его письменными указаниями и требованием отчетов; многословность большинства приказов по боевой подготовке и отсутствие в них четко и конкретно сформулированных задач и основных руководящих указаний; слабый контроль исполнения, низкая и не введенная в постоянное правило требовательность; ослабление ответственности и инициативы офицерского состава мелочной и ненужной опекой.

Отсутствует сочетание требовательности с заботой о подчиненных. Эти недостатки отрицательно сказываются на состоянии дисциплины личного состава и организации службы, вследствие чего имеет место значительное число нарушений уставных положений, невыполнение приказаний, большое число аварий и катастроф (за три месяца 1945 г. ВВС КБФ имеет 9 катастроф и 17 аварий, ВВС ТОФ – 9 катастроф и 6 аварий).

Тыл не занял своего места в общей системе обеспечения нужд флота. Органы тыла, призванные обслуживать флот и обеспечивать боевую подготовку, требуют резкого улучшения своей работы. Сотни личного состава кораблей и частей отрываются сутками от боевой подготовки для получения различного вида снабжения.

Перечисленные выше недочеты свидетельствуют [о том], что офицерский состав не ведет решительной борьбы за высокий уровень боевой подготовки кораблей, частей и соединений, целеустремленной на решение флотами и флотилиями своих очередных боевых задач; недостаточно уделяет внимания вопросам организации службы и воспитательной работы с личным составом и мало использует боевой опыт в своей практической служебной деятельности.

Все эти недочеты в основном являются следствием формализма в деле руководства боевой подготовкой, недооценки необходимости систематического ее совершенствования для повышения боеготовности кораблей, частей и соединений, а также вредных для дела самоуспокоенности и зазнайства некоторых больших и малых начальников, игнорирующих значение боевой подготовки в условиях войны.

* Так в документе.

Командующим флотами и флотилиями принять решительные меры к устранению перечисленных выше недостатков. На период летней кампании 1945 г. ставлю следующие задачи:

По оперативно-тактической подготовке офицерского состава:

а) отработать организацию взаимодействия между разнородными соединениями и частями флота (бой в море, бой в своем укрепленном районе, бой в укрепленном районе противника);

б) отработать организацию взаимодействия частей МОР и ВМБ в ПДО, ПКО, ПМО и ПЛО;

в) отработать организацию боевого управления с использованием средств связи;

г) отработать организацию разведки, особенно общевойсковой;

д) привить единство понимания способов и методов решения оперативно-тактических задач;

е) изучить накопленный за время войны оперативно-тактический опыт и внедрить его в практику боевой подготовки соединений, кораблей и частей;

ж) отработать тактику использования оружия, особенно торпед, и тактику использования боевых средств (катеров).

Для надводных кораблей:

Эскадрам и ОЛС:

а) отработать оперативное и тактическое взаимодействие с ВВС, ПЛ, ТКА и БТР днем и ночью для совместного выполнения задач в море в своем укрепленном районе, в укрепленном районе противника и на коммуникациях противника (поиск, бой в море, набеговые операции на базы противника, отражение набеговых операций, высадка десанта, отражение десанта и проводка за тралами);

б) отработать взаимодействие с истребительной авиацией, сопровождающей корабли эскадры;

в) отработать ПВО, ПЛО, ПМО (с использованием радиолокационных и гидроакустических средств) и ПКО, обратив наибольшее внимание на полноту отработки ПВО и ПЛО;

г) отработать торпедные атаки в море;

д) отработать организацию поиска и уничтожения подводной лодки эсминцами и СКР;

е) отработать маневрирование эсминцев в сложных условиях (прорезывание строя, движение через походные ордера, перемена места, сложные эволюции);

ж) решительно внедрять тактическое использование нового оружия и техники (в частности, радиолокаторов, гидроакустики, пеленгаторов).

Бригадам ТКА:

а) отработать тактическое взаимодействие с надводными кораблями, ВВС и БО днем и ночью, для совместного выполнения боевых задач в море при действиях на коммуникациях противника (поиск, бой в море и т.п.);

б) добиться четкого тактического взаимодействия отдельных групп ТКА между собой и с самолетами для выполнения боевых задач на коммуникациях – наведение в дневных и ночных условиях;

в) отработать взаимодействие с истребительной авиацией, прикрывающей ТКА;

г) отработать торпедные атаки в море;

д) отработать тактику набеговых действий на базы противника совместно с надводными кораблями и ВВС;

е) решительно внедрять тактическое использование нового оружия и техники (в частности, радиолокаторов, радиопеленгаторов).

Бригадам траления:

- а) отработать групповое траление;
- б) отработать тактическое взаимодействие с надводными соединениями при проводке их за тралами;
- в) отработать тактическое взаимодействие тралящих кораблей с силами прикрытия (корабли, ВВС и БО).

Бригадам речных флотилий:

- а) отработать взаимодействие между собой, с частями КА и ВВС при наступательных и оборонительных операциях;
- б) повысить минно-тральную подготовку кораблей и катеров и отработать проводку кораблей за тралами.

Бригадам подводных лодок:

- а) отработать тактическое взаимодействие как для совместных действий в море между собой, так и с надводными кораблями;
- б) отработать взаимодействие с авиацией для взаимного наведения;
- в) отработать выход в атаку и торпедные стрельбы по тихоходным и быстроходным кораблям, с использованием радиолокаторов и гидроакустики.

Противолодочным кораблям:

- а) отработать использование маневренных сил ПЛО во взаимодействии с позиционными средствами;
- б) отработать поиск и взаимодействие отряда катеров при атаке подводной лодки;
- в) отработать взаимодействие катеров с авиацией по поиску и уничтожению подводной лодки.

Для военно-воздушных сил:

- а) отработать оперативное и тактическое взаимодействие различных видов авиации между собой и с флотом (наведение);
- б) повысить тактическую подготовку летного состава и офицеров штабов, включая сюда и изучение основ морской тактики;
- в) повысить летную подготовку (особенно частей торпедоносной авиации);
- г) повысить летную подготовку в сложных видах полета (ночь, метеоусловия), а ИА на больших высотах, с отработкой способов поиска самолетов противника, во взаимодействии с постами наведения;
- д) повысить общую и в особенности летную дисциплину и организацию летной работы, обеспечивающие от аварий и катастроф самолетов;
- е) отработать тактику оборонительного воздушного боя и сложные виды воздушной стрельбы для всех родов авиации КБФ (кроме ИА);
- ж) ИА отработать стрельбы в групповом бою, особенно совместно с другими родами авиации;
- з) подготовить летчиков штурмовиков и истребителей к производству контроля пути по боковым отклонениям и учету ветра в полете;
- и) подготовить экипажи самолетов к бомбометанию по морским движущимся целям;
- к) решительно внедрить опыт и использование новой техники (особенно радиолокации) в практику боевой подготовки;
- л) отработать тактические приемы разведки (непрерывной) и контроль за результатами боевых действий авиации. [...]

Недостающие средства обеспечения восполнять взаимными тренировками различных родов морских сил. Улучшить организацию получения кораблями и частями снабжения из органов тыла, не допуская отрыва значительной части личного состава от БП.

Все мероприятия по боевой подготовке следует проводить в сочетании с повседневной заботой о воинском воспитании личного состава и повышением его дисциплины. Насажждение дисциплины и порядка следует начинать сверху, добиваясь, чтобы старшие начальники стали сами примером дисциплинированности и строгого выполнения уставных требований. Это предопределил общий подъем дисциплины личного состава, повысит качество боевой подготовки флота и обеспечит успешное выполнение боевых задач.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал флота

Кузнецов

Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 379–383.

№ 30. Н.Г. КУЗНЕЦОВ. О ДНЕ ПОБЕДЫ

Речь о параде Победы зашла мимоходом. Говорили о победе над Германией как событию крупного исторического значения.

Настроение у всех отличное, обстановка непринужденная, но строго официальная, и я решил высказать свое предложение.

Почему-то на память пришли торжества в Москве после Полтавской битвы при Петре I. Занимаясь флотскими вопросами, мне не раз доводилось слышать хорошие отзывы Сталина о его деяниях и как о сильной личности. Такие люди импонировали ему.

О встрече войск и праздновании победы после битвы под Полтавой историки писали, что подобного торжества еще не видела Россия. Заслуживала быть хорошо отмеченной и победа над Германией.

"Почему бы не отметить победу над Германией, как не раз делалось в подобных случаях?" – сказал я и привел пример торжеств в Москве после "вконец истребленных" шведов.

Дело это общевоинское, выходящее за рамки флота, и я обычно не считал нужным [вдаваться] в рассуждения, а поэтому насторожился, ожидая, какой будет реакция со стороны Сталина.

Он незамедлительно высказался одобрительно о такой идее, и колесо завертелось.

* * *

Остался в памяти приказ Верховного Главнокомандующего летом 1945 г. по случаю Дня Военно-Морского Флота. [...] В самый разгар Потсдамской конференции⁸¹ мне поручили издать за своей подписью приказ о праздновании Дня Военно-Морского Флота. Однако я полагал, что в той обстановке правильнее было обнародовать этот приказ не за подписью наркома, а за подписью Верховного Главнокомандующего, дав в нем оценку действиям флотов в годы войны с фашистской Германией. Подготовкой проекта такого приказа занялся присутствовавший в Потсдаме тогдашний начальник Главного морского штаба адмирал С.Г. Кучеров⁸². Самой сложной оказалась оценочная часть приказа. После обсуждения было решено предложить формулировку, согласно которой наш флот в годы Великой Отечественной войны "до конца выполнил свой долг перед Родиной". На следующий день я представил приказ И.В. Сталину на подпись. Он несколько задержался на том месте, где давалась оценка действиям флота, но не сделал ни одного замечания или поправки.

Приказ был издан. С флотов поступали сведения о том, с каким одобрением и энтузиазмом воспринял его весь личный состав. Празднование нашего дня на флотах в 1945 г. прошло с исключительным подъемом. [...]

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

**№ 31. ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И.В. СТАЛИНА
ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ СССР
В СВЯЗИ С ПРАЗДНОВАНИЕМ ДНЯ ВМФ**

№ 371

22 июля 1945 г.

В Великой Отечественной войне советского народа против фашистской Германии Военно-Морской Флот нашего государства был верным помощником Красной Армии.

В войне против СССР фашистская Германия, пользуясь внезапностью нападения и имея сильную армию, стремилась в короткий срок разбить нашу армию и наш флот. Силами армии во взаимодействии со своей авиацией и военно-морским флотом немцы хотели также достигнуть господства на море.

Как известно, на суше и на море планы германских стратегов полностью провалились. Красная Армия совместно с союзниками наголову разбила гитлеровскую армию и заставила ее капитулировать.

В период обороны и наступления Красной Армии наш флот надежно прикрывал фланги Красной Армии, упиравшиеся в море, наносил серьезные удары по торговому флоту и судоходству противника и обеспечил бесперебойное действие своих коммуникаций. Боевая деятельность советских моряков отличалась беззаветной стойкостью и мужеством, высокой боевой активностью и воинским мастерством. Моряки подводных лодок, надводных кораблей, морские летчики, артиллеристы и пехотинцы восприняли и развили все ценное из вековых традиций русского флота.

На Балтийском, Черном и Баренцевом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед советской Родиной.

Товарищи краснофлотцы, старшины и офицеры!

Советский народ хочет видеть свой флот еще более сильным и могучим. Наш народ создаст для флота новые боевые корабли и новые базы. Задача флота заключается в том, чтобы неустанно готовить и совершенствовать кадры моряков, полностью освоить боевой опыт Отечественной войны, еще выше поднять морскую культуру, дисциплину и организованность в своих рядах.

Поздравляю вас с Днем Военно-Морского Флота Союза ССР!

Да здравствует Военно-Морской Флот Советской державы и его героические моряки!

Верховный Главнокомандующий
Генералиссимус Советского Союза

И. Сталин

№ 32. УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АДМИРАЛУ
ФЛОТА КУЗНЕЦОВУ НИКОЛАЮ ГЕРАСИМОВИЧУ

14 сентября 1945 г.

За образцовое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов, в том числе Тихоокеанского флота, и достигнутые в результате этих операций успехи присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда" адмиралу флота Кузнецову Николаю Герасимовичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Москва, Кремль

М. Калинин
А. Горкин

Красная звезда. 1945. 15 сентября.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Боевой путь советского Военно-Морского Флота. М., 1988. С.149; Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1980. С.33.

² Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 279.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же. С. 280. Совпадают и близки к названным Н.Г. Кузнецовым цифры, указанные в кн.: Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. С. 37; Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 15; Боевой путь советского Военно-Морского Флота. М., 1988. С. 540. Несколько расходятся (в количестве надводных кораблей – 500 ед.) цифры, указанные в кн.: Доценко В.Д. Флот. Война. Победа. 1941–1945. СПб., 1995. С. 7. Другие данные, а именно: 900 боевых кораблей, в т.ч. 3 линкора, 7 крейсеров, 54 лидера и эскадренных миноносца, 22 сторожевых корабля, 5 канонерских лодок, 212 подводных лодок, 79 тральщиков, 272 торпедных катера, 3678 самолетов, 374,6 тыс. человек личного состава, – см. в кн.: Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1994. С. 61–63. – *Р.К.*

⁵ См.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 299.

⁶ Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1969. С. 352–357.

⁷ Там же. С. 358.

⁸ См.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 310.

⁹ См. там же. С. 256–279.

¹⁰ Там же. С. 717.

¹¹ Кузнецов Н.Г. Круглые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 50.

¹² См.: Боевая летопись Военно-Морского Флота (1941–1942). М., 1983. С. 91–92, 265–266.

¹³ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 21.

¹⁴ См.: Боевая летопись Военно-Морского Флота. С. 122–123.

¹⁵ См.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 434–435.

¹⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы... Т. 21 (10). С. 8.

¹⁷ См.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 620.

¹⁸ Созданная на второй день войны Ставка Главного Командования во главе с С.К. Тимошенко, в которую вошли Г.К. Жуков, И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Н.Г. Кузнецов, 10 июля была преобразована в Ставку Верховного Командования, а 8 августа – в Ставку Верховного Главнокомандования. Назначенный представителем Ставки ВГК на фронтах, нарком ВМФ в состав Ставки не входил до 2 февраля 1945 г., когда он был включен в нее вместе с А.М. Василевским и А.И. Антоновым.

¹⁹ Кузнецов Н.Г. Организация – ключ к победе// Архив семьи Н.Г. Кузнецова.

²⁰ См.: Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 119.

²¹ См.: Рудный В.А. Готовность № 1: О Н.Г. Кузнецове. М., 1985. С. 119.

²² Например, десант в Южную Озерейку (3–4 февраля 1943 г.), когда операция должна была начаться лишь после прорыва нашими частями обороны противника. Командующий же Закавказским фронтом, которому оперативно подчинялся флот, изменил свое решение и приказал высадить десант немедленно в самом начале наступления войск фронта, полагая, что это ослабит сопротивление врага и поможет 47-й армии прорвать его оборону. Десант не удался. Начавшаяся в ночь на 4 февраля его высадка была прекращена, часть десантников вернули на корабли, высадившимся же на берег было приказано пробиваться сквозь вражеское кольцо в район Станички (см.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 531–532).

²³ Имеется в виду Керченско-Феодосийская десантная операция 25.12.41–2.2.42.

²⁴ См.: Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 146–149.

²⁵ Цит. по: Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 186.

²⁶ Моряки и лично Н.Г. Кузнецов высоко ценили И.Е. Петрова, который чутко прислушивался к мнению моряков и возлагал на них большие надежды. Подробнее см.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 551.

²⁷ Там же. С. 552–553.

²⁸ Там же. С. 553.

²⁹ См. там же. С. 552–554.

³⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы... Т. 21(10). С. 44–45.

³¹ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 48–55, 127–189; Оп. 16. Д. 1. Л. 158–269; Д. 38. Л. 18–20; Д. 7. Л. 216–221; Ф. 13. Оп. 71. Д. 2445. Л. 24–29.

³² Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 568–570.

³³ См.: Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 241.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная война: Приказы и директивы. С. 77, 101, 107, 108 и др.

³⁶ Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 595.

³⁷ Там же. С. 620–621.

³⁸ 31 мая 1944 г. Н.Г. Кузнецову было присвоено звание адмирал флота (см. док. № 24). 27 июня 1944 г. и 28 июня 1945 г. он был награжден полководческим орденом Ушакова I степени (№ 5 и № 17).

³⁹ См. док. № 23.

⁴⁰ Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 599.

⁴¹ См. там же. С. 601.

⁴² См. там же. С. 602.

⁴³ См. там же. С. 674.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 690–691.

⁴⁶ См.: Военачальники вспоминают... Н.Г. Кузнецов // Военно-исторический журнал. 1970. № 5. С. 85.

⁴⁷ См.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. С. 717–718; при этом потери советского ВМФ составили: 212 надводных кораблей, 102 подводные лодки, 700 боевых катеров, до 5000 самолетов и 143 661 матрос и офицер (см.: Три века российского флота: В 3 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 200–202).

⁴⁸ См.: Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1987. С. 444.

⁴⁹ Имеется в виду договор, заключенный СССР и Германией 23 августа 1939 г. (пакт о ненападении сроком на 10 лет).

⁵⁰ Пронин В.П. (1905–1993), с 1938 г. секретарь МК ВКП(б), с апреля 1939 г. и в годы войны председатель исполкома Моссовета, член ВС МЗО и ВС Московской зоны ПВО.

⁵¹ Тимошенко С.К. (1895–1970), Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965), в 1940–1941 гг. нарком обороны, в период войны командующий Западным и Юго-Западным направлениями, Западным, Юго-Западным и Северо-Западными фронтами.

Жуков Г.К. (1896–1974), Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956), в январе–июле 1941 г. начальник Генштаба КА, в годы войны командующий рядом фронтов, первый зам. наркома обороны и Верховного Главнокомандующего, в 1945–1946 гг. главнокомандующий Группой советских войск в Германии, с 1953 г. первый зам. министра, в 1955–1957 гг. министр обороны.

Тюленев И.В. (1892–1978), генерал армии (1940), Герой Советского Союза (1978), в 1938–1940 гг. командующий Закавказским и Московским военными округами, в период войны – командующий Южным и Закавказским фронтами.

Щербаков А.С. (1901–1945), генерал-полковник (1943), в 1938–1945 гг. первый секретарь МК и МК ВКП(б), с 1939 г. член ЦК ВКП(б), в 1942–1945 гг. начальник ГПУ КА, начальник Совинформбюро, зам. наркома обороны.

⁵² Маленков Г.М. (1902–1988), в 1939–1946, 1948–1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1939–1946 гг. начальник Управления кадров ЦК ВКП(б), в период войны член ГКО, в 1946–1953, 1955–1957 гг. зам. Председателя СМ СССР, в 1953–1955 гг. Председатель СМ СССР.

⁵³ Павлов Д.Г. (1897–1941), генерал армии (1941), Герой Советского Союза (1937), в 1940–1941 гг. командующий Западным военным округом и фронтом. 22 июля 1941 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Кирпонос М.П. (1892–1941), генерал-полковник (1941), Герой Советского Союза (1940), в 1941 г. командующий Юго-Западным военным округом и фронтом. В сентябре 1941 г. погиб в бою.

Попов М.М. (1902–1969), генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1965), в период войны командующий Северным, Ленинградским, Брянским, Прибалтийским и 2-м Прибалтийским фронтами.

⁵⁴ Кузнецов Ф.И. (1898–1961), генерал-полковник (1941), в 1941 г. командующий Прибалтийским Особым военным округом, в период войны командующий рядом фронтов и армий.

⁵⁵ 26 июня 1941 г. отряд кораблей ЧФ нанес артиллерийский удар по румынской базе Констанца. В ходе выполнения операции лидер эсминцев "Москва" подорвался на mine и затонул (см.: Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1941–1942 гг. М., 1983. С. 266).

⁵⁶ Конев И.С. (1897–1955), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), в 1941–1945 гг. командующий армией и фронтами.

Рокоссовский К.К. (1897–1955), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), в 1941–1945 гг. командующий корпусом, армией и рядом фронтов.

Говоров Л.А. (1897–1955), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945), в 1941–1945 гг. командующий армией и рядом фронтов, в 1946–1952 гг. командующий ЛВО и ПВО страны.

⁵⁷ Паулос Фридрих (1890–1957), генерал-фельдмаршал (1943), в 1942–1943 гг. командующий немецкой 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом.

⁵⁸ Хрулев А.В. (1892–1962), генерал армии (1943), в 1941–1945 гг. начальник ГУ тыла КА.

⁵⁹ Утром 22 июня нарком ВМФ направил директиву командующим КБФ, ЧФ и СФ о развертывании подводных лодок на коммуникациях противника с указанием задач и районов действий (см.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). С. 13–14).

⁶⁰ На 22 июня 1941 г. в составе КБФ находилась 71 подводная лодка, ЧФ – 44, СФ – 15. – А.К.

⁶¹ Жаворонков С.Ф. (1899–1967), маршал авиации (1944), в 1938 г. командующий авиацией ТОФ, в 1939–1946 гг. командующий авиацией ВМФ.

⁶² За период боевых действий (с 8 августа по 4 сентября 1941 г.) авиационная группа Е.Н. Преображенского произвела 52 самолетовылета, в ходе которых было сброшено на Берлин свыше 36 т фугасных и зажигательных бомб и большое количество листовок (см.: Русский архив... С.391).

⁶³ Панфилов И.В. (1893–1941), генерал-майор (1940), в 1941 г. командующий 316-й стрелковой дивизией, Герой Советского Союза (1942 г., посмертно), погиб в битве под Москвой.

⁶⁴ На 22 июня 1941 г. в составе КБФ находилось 67 торпедных катеров, ЧФ – 78, СФ – 0. – А.К.

⁶⁵ Активные минные заграждения выставляются в водах, контролируемых противником.

⁶⁶ Каб. (кабельтов) – единица длины, применяемая в навигации и равная 185,2 м (0,1 мор. мили).

⁶⁷ Оперативный радиус – наибольшее расстояние, на которое группа (соединение) боеготовых кораблей может удалиться от места базирования, решить поставленную задачу и возвратиться в базу без пополнения запасов в море.

⁶⁸ Речь идет о торпедных катерах, управляемых по радио с самолета.

⁶⁹ Однократность использования оружия – имеется в виду отсутствие возможности перезарядки торпедных аппаратов катеров в море.

⁷⁰ Минопрорыватель (минный прорыватель) – минно-тральный корабль, специально предназначенный для уничтожения мин своим корпусом или воздействием на них своих физических полей. Широко применялись германским флотом в конце второй мировой войны.

⁷¹ В 20-х гг. Ф.С. Иванов (Октябрьский – псевдоним) работал в Архангельске в политотделе морских сил Северного моря и был одним из самых активных организаторов военно-шефской работы. Впоследствии стал адмиралом, Героем Советского Союза (1958), командовал Черноморским флотом (см.: Архангельский комсомол – ВМФ СССР (1922–1972): Сб. документов, очерков и воспоминаний. Северо-Западное книжное издательство, 1973. С. 23; Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 381). Был руководителем обороны Одессы и Севастополя в 1941–1942 гг.

⁷² 20 ноября 1942 г. эсминец СФ "Сокрушительный" при обеспечении проводки конвоя "QP-15" попал в 11-балльный шторм, во время которого у корабля оторвало корму. В ходе спасательных работ с поврежденного корабля было снято 185 человек. Погибло 20. Эсминец погиб с 15 членами экипажа. Во время спасательной операции командир корабля и командиры БЧ-1,2,4,5 вопреки требованиям Морского устава оставили эсминец. Впоследствии командир корабля и командир БЧ-2 были приговорены военным трибуналом к расстрелу, остальные командиры – к тюремному заключению и направлению в штрафбат (см.: Никифоров П.И. Последний поход "Сокрушительного"//Гангут. Вып. 7. 1994. С. 118–125).

⁷³ ПИСЬМО АКАДЕМИКА А.Н. КРЫЛОВА НАРКОМУ ВМФ АДМИРАЛУ Н.Г. КУЗНЕЦОВУ

16 августа 1943 г.

Глубокоуважаемый Николай Герасимович!

Инженер-капитан 1-го ранга Потапов прочел и передал мне тот замечательный адрес, которым Вам угодно было меня удостоить в день моего 80-летия.

В этом адресе, в глубоко прочувствованных выражениях, с истинным знанием дела, отражена 60-летняя деятельность во флоте, для пользы которого я всегда стремился работать, и я могу на старости лет радоваться, что эта работа не пропала даром и служит тем высококвалифицированным морякам, которые с доблестью и самоотвержением храбро защищают под Вашим главным руководством нашу Родину от ненавистного врага.

Но доблесть, храбрость и самоотвержение не приобретаются в школе, могущей дать только знания и отчасти умение, — эти качества исконно лежат в среде самого нашего народа, дающего питомцев школе.

Не мог я не обратить внимания и на внешность адреса и должен сказать, что я не понимаю, каким образом он исполнен; много лет я имел дело с типографиями русскими, французскими, немецкими, английскими, но подобной работы я не видел и могу ее сравнить лишь с работой древних монахов, всю свою жизнь писавших одну книгу и придававших ей художественное исполнение.

Прошу Вас, глубокоуважаемый адмирал, принять выражение моей искренней признательности за Ваше доброе слово и память.

Академик А. Крылов.

Архив семьи Н.Г. Кузнецова. Подлинник.

⁷⁴ Мехлис Л.З. (1899–1953), в 1937–1942 г. начальник ПУ РККА (ГПУ КА), в 1940–1944 г. зам. Председателя СНК СССР, в 1940–1950 г. нарком (министр) государственного контроля СССР.

⁷⁵ Фролов А.С. (1902–1952), вице-адмирал (1944), в 1927–1940 г. командир ПЛ, командир бригады ПЛ, зам. начальника штаба ЧФ, в 1941–1943 г. командир Новороссийской ВМБ, командующий Дунайской ВФ, командир Керченской ВМБ, в 1944–1947 г. начальник штаба ТОФ, в 1947–1950 г. командующий 5-м ВМФ.

⁷⁶ Ушаков Ф.Ф. (1744–1817), адмирал (1799). В 1788–1790 г. командир отряда кораблей, в 1788 г. принимает участие в сражении с турецким флотом у о. Фидониси, в 1790–1798 г. командующий ЧФ. Под его командованием флот одерживает победы над турецким флотом у Керченского пролива, у Гаджибея, при Калиакрии. В 1798–1800 г. русский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова освобождает от французов ряд островов в Восточном Средиземноморье, в 1799 г. штурмом захватывает считавшуюся неприступной крепость на о. Корфу. В 1802–1807 г. главный командир Балтийского гребного флота.

⁷⁷ Нахимов П.С. (1802–1855), адмирал (1855). В 1845–1853 г. командир отряда кораблей, в 1853–1854 г. командующий эскадрой ЧФ. 18 ноября 1853 г. эскадра П.С. Нахимова разгромила турецкий флот в Синопской бухте. В 1854–1855 г. один из руководителей обороны Севастополя. Смертельно ранен в бою.

⁷⁸ Штейн А. П. — драматург, автор пьес "Флаг адмирала", "Персональное дело", "Океан", ряда сценариев.

⁷⁹ Звание "адмирал флота" было введено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7.05.1940 г. для высшего командного состава корабельной службы вместе со званиями: "контр-адмирал", "вице-адмирал", "адмирал". Далее 25 мая 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был введен Герб СССР и помещена маршальская звезда на погоне адмирала флота. 3 марта 1955 г. во изменение указа от 7.05.1940 г. к словам "адмирал флота" добавлены слова "Советского Союза" (Адмирал Флота Советского Союза). См.: Боевой путь советского Военно-Морского Флота. С. 533.

⁸⁰ Блокшив — старое судно (корабль), приспособленное для несения портовой или рейдовой службы. В данном случае для учебных целей.

⁸¹ Потсдамская конференция глав держав-победительниц во второй мировой войне проходила в пригороде Берлина 17 июля — 2 августа 1945 г.

⁸² Кучеров С.Г. (1902–1973), адмирал (1945), в 1927–1941 г. командир бронекатера, дивизиона бронекатеров, флагманский специалист, в 1941–1943 г. начальник штаба СФ, в 1943–1944 г. командующий Беломорской ВФ, в 1945–1950 г. начальник ГШ ВМФ, в 1950–1963 г. командующий Каспийской ВФ, начальник факультета ВА Генштаба, начальник Управления ВМУЗов.

Наркам ВМФ Н.Г. Кузнецов на подводной лодке Щ-403. 1941 г.

Подготовка самолета к боевому вылету. ЧФ. 1942 г.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов на палубе канонерской лодки "Альфатер". Баку. 3 апреля 1943 г.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов в госпитале у раненых. Тбилиси. Март 1943 г.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов (крайний справа). ЧФ. 1943 г.

*С.С. Рамишвили, М.И. Москаленко,
Н.Г. Кузнецов. Баку. 3 апреля 1943 г.*

Поти. ЧФ. 1943 г.

*Главкомандующий
Военно-Морскими Силами СССР
адмирал флота Н.Г. Кузнецов.
1944 г.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

№ 13

27 июня 1944 г.

**О ВРУЧЕНИИ МЕДАЛИ
„ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ“**

**ТОВАРИЩУ КУЗНЕЦОВУ
НИКОЛАЮ ГЕРАСИМОВИЧУ**

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СОЮЗА ССР ВРУЧИТЬ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-
МОРСКОГО ФЛОТА товарищу КУЗНЕЦОВУ НИКОЛАЮ ГЕРАСИ-
МОВИЧУ МЕДАЛЬ „ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ“.

Председатель Исполнительного Комитета
Московского Совета
депутатов трудящихся

В. Пронин

(В. Пронин)

Член Исполнительного Комитета
Московского Совета
депутатов трудящихся

П. Маторов

(П. Маторов)

*Постановление исполнительного
комитета Московского Совета
депутатов трудящихся. 27 июня
1944 г.*

*Главком ВМС СССР Н.Г. Кузнецов.
Ленинград. 1944 г.*

Подготовка к встрече самолетов и кораблей союзников. Севастополь. Февраль 1945 г.

Поти. ЧФ. 1942 г.

Главы делегаций стран-союзниц: У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И.В. Сталин. На заднем плане (за Сталиным) Н.Г. Кузнецов. Крым. Ялта. Февраль 1945 г.

Н.Г. Кузнецов и Председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов. Крым. Ялта. Февраль 1945 г.

*Главком ВМС
СССР Н.Г. Кузнецов.
Май 1945 г.*

После вручения орденов. Н.Г. Кузнецов (первый слева). Москва. Кремль. Февраль 1944 г.

И.С. Исаев, Н.Г. Кузнецов, Г.М. Галлер. При вручении орденов. Москва. Кремль. 1945 г.

Заседание Потсдамской конференции. Июль–август 1945 г.

В перерыве между заседаниями Потсдамской конференции. И.В. Сталин, Ф.Т. Гусев (посол СССР в Великобритании), Н.Г. Кузнецов и охрана. Июль 1945 г.

Заседание Потсдамской конференции

1 дни работы Потсдамской конференции.

*Адмирал флота Н.Г. Кузнецов
и командование Северного флота. 1945 г.*

Адмирал флота Н.Г. Кузнецов. СФ

На крейсере "Калинин". ТОФ. 1945 г.

Перед Парадом Победы. 24 июня 1945 г.